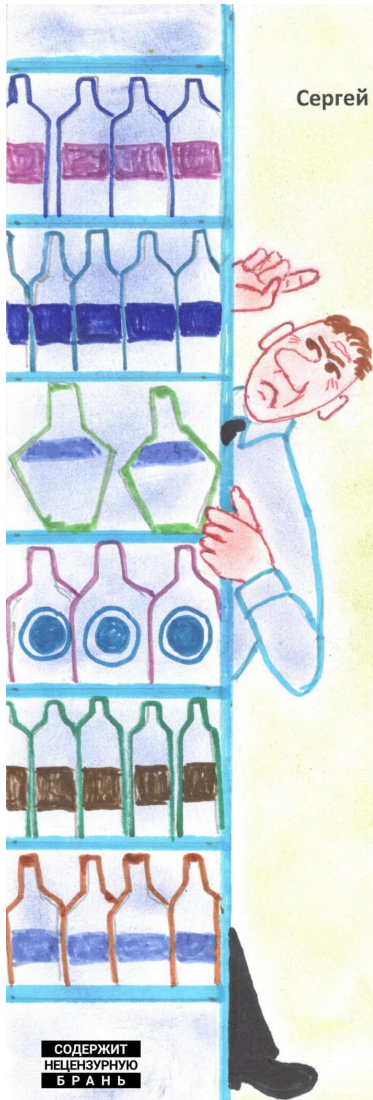

Сергей Кравцов (Михалыч)

СЕКЬЮРИТИ № 13, ИЛИ ДНЕВНИКИ «ТОПТУНА»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Михайлович Кравцов

Секьюрити номер тринадцать, или Дневники «топтуна»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48487671

SelfPub; 2023

Аннотация

И вечный бой... Думал ли когда-то Алексей Бурякин, мотаясь по полям, героически борясь с жуком кузькой и осотом, что доведётся ему помотаться и по столичным окрестностям в роли магазинного "секьюрити"? А ведь пришлось! Пришлось вчерашней деревенщине влезть в не слишком уютную шкуру охранника и изображать из себя борца, теперь уже с расхитителями капиталистической собственности. Ошарашенный обилием дурошлёмщины, бестолковщины и неадекватщины, он стал вести дневники. Впрочем, Бурякин и сам по части свалить дурака – мастер ещё тот. Да ещё, как назло, куда ни кинь – кругом тринадцать...

Сергей Кравцов

Секьюрити номер

тринадцать, или

Дневники "топтуна"

Не ищи приключений на свою «пятую точку».

Будь уверен – они сами тебя найдут!

(сентенция неизвестного философа)

Пролог

Не так давно, путешествуя в полупустом плацкартном вагоне поезда «Саратов-Москва», я случайно обнаружил в своём «кубрике» небольшую стопу ученических тетрадок в клеточку, с потрёпанными, затёртыми обложками. Они были связаны обычным шнурком от ботинка и валялись в багажном ящике под моей полкой. От начала до конца тетради были исписаны довольно корявым (курица со своей «каллиграфичной» лапой – на скамейке запасных!), не слишком разборчивым мужским почерком. Раскрыв наугад самую верхнюю из тетрадок и, пробежав взглядом по нескольким абзацам, я сразу же понял, что это чьи-то дневниковые записи.

Как они там оказались – было совершенно непонятно. То ли их кто-то забыл, то ли хотел выбросить, но было лень донести до вагонного мусорного контейнера? Всякий согласит-

ся, что дорожная скука – вещь убийственная, а ехать мне предстояло больше полусуток. К тому же, кто из нас в душе хоть немножечко не общеизвестная базарная любознателька Варвара, с хронически оторванным носом? Поэтому я сразу же углубился в чтение. Как стало ясно с первых страниц, некий Алексей Бурякин из незнакомого мне города Уволжска рассказывал о своей «карьере» магазинного охранника в Подмосковье. Сколь ни банально, на первый взгляд, выглядели эти «мемуары», но до конца пути найденные дневники я читал, не отрываясь. Нет, в самом деле! В повествовании Алексея Бурякина нашлось немало и интересного, и даже поручительного.

Неожиданно подумалось: а почему об этом знаю только я один? А пусть и другие прочтут изливания души среднестатистического провинциала предпенсионного возраста! Читиво, между прочим, вполне занимательное. Как можно было без труда догадаться, все названия (да, скорее всего, и имена персонажей) Алексей Бурякин заменил на вымышленные. Да и происходили описанные им события ещё лет семь назад. Но – какая в том беда? Главное, всё было написано откровенно, и от души.

Кстати! К сведению скептиков: дневники и в самом деле существуют. Ну а если по прочтении данного опуса среди описанных здесь персонажей кто-то узнает самого себя, то автор данной книги спешит уведомить: это чисто случайное и непреднамеренное совпадение. Согласимся: все мы на ко-

го-то в этой жизни похожи. Да и глупости совершаем очень часто совершенно одинаковые, словно под копирку.

Кадухино – город «фитилей»

* * *

...Десятое ноября

Меня можно «поздравить» – в очередной раз я стал безработным. На днях в ЧП «Аврал», где я последние пару месяцев работал на почётной должности слесаря-сантехника, прошёл слухок, будто наша коммунальная шарашка закрывается. И, почти сразу же, она, и в самом деле, «накрылась медным тазом». Всем дали расчёт и указали на дверь. Сегодня с утра рылся в интернете, где только можно искал работу. Ну, надо же чем-то заняться ныне хронически безработному, бывшему колхозному агроному (позже – плотнику, каменщику, грузчику, таксисту, слесарю-сантехнику).

Днём заходил мой старший сын Володька, рассказал, что его приятель Димон вчера вечером приехал из Москвы. Работал он там охранником в магазине. Вроде бы, место трудоустройства не самое отстойное. Вроде бы, люди ещё требуются. Поэтому Володька тоже засобирался в охранники (в нашем Ступкове – и для молодых не избыток денежных вакансий). И тут меня разобрало: а может, и мне податься в охранники? Созвонился с Димкой. Он говорит, что, вообще-то, их охранный фирма принимает тех, кто не старше пятидесяти пяти (увы, мне уже пятьдесят восемь!). Но, при хорошем здоровье, вроде бы, возьмут всякого. Ну, так, здоро-

вье-то у меня – ничего, стабильное! Дал мне Димка сотовый старшего по сети магазинов «Вкус». Зовут его Юрий Денисович. Позвонил. Гудки идут, а этот Денисович, бездельник, трубку не берёт. Только с пятой попытки, уже вечером, он ответил. Порасспрашивал меня о том, о сём, сказал, чтобы я приехал, дескать, на месте посмотрят. Ну, уже и то неплохо!

Двенадцатое ноября

Москва, мы на Павелецком, время к обеду. Спустились с Володькой в метро, и отправились на станцию Верховская, где находится офис охранный агентств «ЛОМ» («Лучшая охрана магазина»). Нашли проходную, народу там полно, к окошкам три очереди. Отстояли, заказали пропуска, потом ждали их почти полчаса. Прошли через турникет – контроль там жёсткий, поскольку на той территории целый офисный городок для всяких столичных шарашек. Нашли офис. Над его дверью – рекламный плакат: «Против «ЛО-Ма» – нет приёма!». И вот там наши с Володькой пути как-то так разошлись. Юрий Денисович (мужик под пятьдесят, с носом боксёра-неудачника) объявил, что у него вакансии закончились, и принять он может только одного Володьку. Ну а меня направил в другой отдел, к старшему по торговой сети «Купи!» Васину Игорю Ивановичу.

Тот оказался (хотя бы на первый взгляд) мужиком простецким. Выпендриваться и изображать из себя обалденного босса он не стал, спросил лишь, сколько мне лет, и признал «годным к строевой». Направил к двум кадровичкам-брю-

неткам (скорее всего, искусственным) – понтовым бабёхам лет тридцати пяти. С клиентами они разговаривают, переплёвывая через губу, дают понять, что приезжие для них (постоличному – «замкадыши») – полное фуфло и отстой. Здесь очередь – впереди меня аж двенадцать человек, большинство – из Средней Азии, и с Кавказа. Я тринадцатый («счастли-и-и-вчик!»). Спрашиваю мужиков: тут всегда так много желающих устроиться на работу? Один смеётся – куда там! Просто, так совпало. А так, обычно, человека всего три-четыре за день, максимум. И то, ещё не всех и принимают. Кстати, из нашей очереди человека четыре отсеялись сразу – что-то у них не в порядке с документами.

Ждать пришлось не больше часа. Заполнил анкету, договор, но чего-то там напортачил, и бумажки пришлось переписывать заново. Кадровички, глядя на мою писанину, истонались, всем своим видом изображая недовольство такими, как я, никчёмными, безграмотными кадрами.

Когда оформление закончилось, зашёл разговор о дресс-коде. Помимо всего прочего (синяя рубашка, чёрные штаны), оказывается, нужен чёрный галстук. А вот им обзавестись я не догадался, поэтому купил прямо у них за двести рэ. Что интересно, девки сразу же как-то смягчились, стали куда приветливее (вот что делают с людьми деньги животворящие!). Помощница Васина написала на бумажке адрес, куда мне надлежало ехать своим ходом (билеты потом пообещали оплатить). Почерк у неё, вроде бы и ровный, но не раз-

берёшь, что написано.

Приехал я на Ленинградский вокзал, попросил у кассирши билет на электричку до Корукино. Она на меня смотрит, как на лунатика и разводит руками:

– Я не знаю такого населённого пункта!

Показал бумажку с адресом. Она:

– Так это не Корукино, а Кадухино!

Как оказалось, ехать до него часов пять. Ну, пять, так, пять. А что поделаешь? Выбирать не приходится: в Кадухино, значит – в Кадухино. Да, мне хоть в Гадюкино – абы работа была! Созвонился с Володькой. Он уже в пути, едет в Селезнёвское, в один из тамошних «Вкусов». Около трёх дня я тоже сел в электричку, и – в путь. Доехали до станции Бородкино. Это на полпути к Кадухино. Гляжу, а со стороны локомотива через наш вагон как стадо бизонов галопом проскакала толпа народу куда-то в хвост электрички. А вместе с ними свалила и почти половина тех, что ехали в нашем вагоне. Что за скачки? Глянул в окно, а эта же самая толпа по перрону, как ошалелая, летит, теперь уже, к передним вагонам. Соседи объясняют: это «зайцы», которые спасаются от контролёров. Обалдеть, сколько тут «зайцев»! И тут к нам заходят эти самые контролёры. Наши билеты проверили, и пошли дальше. В окно никто из них даже не глянул, как будто там их ничего не касается. Вроде того: бегут куда-то люди, ну и – леший с ними, пусть себе бегут. Интересно, а вот вечером они ходят? Если ходят, то вечерним «зайцам» не по-

завидуешь: в битком набитых вагонах – попробуй, побегай!

Вообще, ехать было не скучно. То торгаши пройдут со своими «супер-мочалками», книжками, игрушками, точилами для ножей и прочей дребеденью, то какой-то мужик просил пожертвовать на особо одарённую внучку, которой не на что купить хороших красок и холстов, то двое пацанов с гитарами спели что-то лирическое. Так до Кадухино и доехали. На часах уже девять вечера, темень – глаз коли. Электричка пошла дальше, в Закатилово. Кстати, про этот городишко попутчики рассказывали, что это самое бандитское место Подмосковья. Даже предупредили, что если в следующий раз пошлют охранником туда – лучше сразу повернуться и уйти. Только недавно там ножом пырнули парня-охранника в отместку за то, что не давал красть в магазине. Там такое случается не так уж и редко: или избыют, или порежут.

Взял такси, доехал до улицы Новой. «Купи!» – магазин не очень большой. Захожу. Невдалеке от входа вижу крупенького, такого, брюнета лет сорока, с улыбкой до ушей. На нём синяя рубаша и чёрный галстук. Значит, охранник – это понятно и без дедукции. Он меня тоже сразу заметил, и тут же поспешил навстречу:

– Сменщик?!!

Зовут его Лёха, фамилия Магомедов. Приехал он со Ставрополя. Говорит, что уже дней десять как переработал. Ничего себе! Соображаю: похоже, дело тут совсем дохлое, раз никто не рвётся его подменять. Но Лёха поспешил заверить,

что, на самом деле, место тут не самое худшее, и с ходу начал вводить в курс дела: за чем приглядывать в первую очередь, за кем и как следить. Оказывается, в составе здешней «группы риска слабых на руку» – не только алкаши, наркотики и бомжи. Например, тут есть целая шайка пенсионеров, которые специализируются на сырах и колбасах (ну, любят они очень сильно эти харчи – что тут с ними поделаешь?). Работают бабки так ловко, что и не заметишь, как за пазухой спрячут товар. Ну и ну! Кто бы подумал, что такое вообще возможно?!

Алкаши тащат спиртное. Но их Лёха, в большинстве своём, от магазина уже отвадил. Пойманных с товаром он, обычно, ведёт в подсобку, где нет камер видеонаблюдения, и там молотит кулаками почём зря. Ну, он боксёр-разрядник, да и здоров, как бык. Задержаний у него много – по два-три за смену. Подумалось: мне бы хоть одно за день, и то бы неплохо. Показал он мне бытовой отсек. Там есть шкаф для одежды охранников, столовка, сортир, кабинет директрисы. По его словам, баба она неплохая. Но, если судить по старшему менеджеру Аньке (дылда баскетбольного роста, фейс нахальный) – это ещё вопрос. Когда зашли в кабинет, и я отдал ей сопроводительные бумажки, она скривилась, как от лимона и процедила:

– Ещё неизвестно, возьмём вас или нет...

Ну, ты гляди, крутизна оптово-розничного фасона! Я ещё только пришёл, а она уже «вилы» изготавливает. Хотя, её то-

же понять можно. Ну, был бы я типа Рембо или Терминатора – ясен пень, она бы в ладошки хлопала. А тут появился какой-то тип на излёте трудовой карьеры, вида не самого внушительного – чему радоваться-то?!

В десять вечера мы с Лёхой закрыли магазин, опечатали двери, и пошли к общежитию. До неё переться больше двух километров, причём, половина дороги проходит по пустырям. Размещается этот «бомж-отель» в старой пятиэтажке. Там «Секьюрити» сняла для охранников «трёшку» на самом вер-ху. Рассчитана жилплощадь на троих, а вот ключей на всех не хватает. Зимой в помещении вовсе не тропики. Сейчас на улице около нуля, поэтому и в жилых комнатах терпимо. Зато, когда начнутся морозы, то, по словам Лёхи, зуб на зуб лишь иногда попадает.

Поднялись наверх, глянул я на «апартаменты», и... О-ёй! Бомжатник, даже хуже, чем я ожидал. Пол – буграми, обои облезлые, выключатели раздолбаны. Благо, нет клопов. Говорят, в Подмоскovie этой твари сейчас полно. Поужинал тем, что перед уходом купил в своём же «Купи!», и что осталось из дорожных припасов.

Когда ложился, то изрядно засаленную подушку вместо наволочки обернул одной из своих рубашек. Но спал недолго. В двенадцатом часу пришёл Рубен – он дежурит в другом «Купи!» у здешнего вокзала. Магазин там большой, покупателей с избытком, мороки ещё больше, чем в моём. Во, «повезло» мужику!

Тринадцатое ноября

Только утром сообразил, что за день мне выпал для начала трудовой деятельности на новом поприще – ТРИНАДЦАТОЕ! Да-а-а, уж! Кстати, если послушать Лёху, то «поприще» в некоторых смыслах обалденное. Когда вчера шли в общагу, он рассказывал, что работает в «Купи!», где-то, уже с полгода, и за это время по ночам на пустырях его несколько раз встречали местные удалыцы. Выручали килограммовая гантель и нож с выкидным лезвием. Правда, по договору трудоустройства, мы не имеем права носить никакого оружия. За это предусмотрены и штрафы, и даже увольнение без копейки выплаты.

...Итак, моё первое утро в общежитии. Ну, умылся я, побрился (двери ванной и туалета без запора, спасибо, на месте раковина и унитаз!), впопыхах сготовил завтрак. Рубен уже ушёл, Лёха всё ещё спит. Он отпускник, но домой на Ставрополье ехать не собирается. К кому? С женой развёлся уже давно, а тут у него несколько любовниц, куча друзей, тут он вольный казак.

В семь утра побежал я на работу. До «Купи!» добрался вовремя, хотя с непривычки сделал лишнего крюка. Заглянул в директорский кабинет, чтобы отметить в журнале прихода, а там другая менеджерша, тоже Анна. Они с той дежурят по графику «сутки – через сутки». Ну, эта, вроде бы, на первый взгляд, не страдает избытком нервозности и стервозности. Вскоре прибежал Лёха. Мы с ним подписали

бумаги о передаче и приёме смены, о чём я отправил Васину эсэмэску.

Вышел в зал, для начала познакомился с кассирами и подсобным персоналом. Народ, вроде, нормальный. Кассиры все местные, грузчик Рустам и уборщица Феруза – из Узбекистана. Ровно в восемь открыл входную дверь, и – началось!.. В зал тут же толпой ломанулись пенсионерки с кошёлками, сумками и баулами наперевес. Скорее всего, даже революционные матросы в семнадцатом так не рвались на штурм Зимнего дворца. Оказывается, сегодня выложили новую «акционку» (товары по сниженной цене), и бабульки спешили набрать уценённых харчей. Причём, почти никто и не подумал оставить свою тару в шкафчиках у входа. Фигушки! Все, как одна, прямым курсом чешут по рядам. В зале – суматоха, суета, все бегают, мечутся, что-то в сумки кладут, что-то назад выкладывают...

Пришлось и мне побегать как угорелому, чтобы хоть что-то отследить. А что отследишь-то? Вот уже самые первые выстроились у кассы. Бегу туда. Молодая кассирша с экзотическим именем Италия просит позвать кого-нибудь ещё из кассиров – больше пяти человек в очереди быть не должно, иначе клиент может пожаловаться в центральный офис, и магазину тогда нагорит не хило. Слушаю Италию и не знаю, как быть. Ч-чёрт побери! Ну, допустим, сейчас я пойду в грузовой терминал за подкреплением. А кто же в это время вместо меня будет проверять сумки на выходе?

– Сумки проверять охранник имеет право только в том случае, если он уверен, что там есть неоплаченный товар. И то, лишь с согласия клиента – уведомляет Италия, мило улыбаясь бабушке, которая демонстративно выкладывает всё, что у неё было в большом бауле.

Опаньки! Вот это новость! А что же я тогда вообще имею право делать? В чём тогда заключается суть моей работы? Ходить примитивным «топтуном» по залу, высматривая, не прихапал ли кто-нибудь товар за пазуху, чтобы потом, оставив его на выходе, вызывать ГБР1? Всё с той же безмятежной улыбкой, Италия уточняет, что и тут не без проблем. Оказывается, если вызов будет ложным (покупатель в смысле выноса товара окажется чист), то я получу «трынделей» по полной. Ну, в смысле штрафных санкций. Дела-а-а!

Бегу звать второго кассира. Меня на ходу ловит пенсионерка и начинает допытываться, где бы ей найти бумажные полотенца. А я откуда знаю, где они тут могут быть? Я первый день работаю! Но вдруг замечаю, что эти самые полотенца совсем рядом, стоит только глаза разуть.

Бегу к железной двери грузового терминала с механическим кодовым замком. Там кипит работа – только что пригнали фуру с товаром, надо срочно разгружать. Рустам натужно катит трёхколёсную тележку-«рохлю» с деревянным полетом, на котором куча коробок с этикетками. Девчонки неохотно отпускают Альбину – самую старшую.

Снова беготня по залу. У отдела со спиртным как-то подо-

зрительно трутся сразу трое красноносых хлопцев. Заметив меня, быстренько смываются. Неожиданно появляется Лёха. Судя по реакции кассирш, тут он, можно сказать, всеобщий любимец. Понаблюдав за моими метаниями, машет рукой – хватит бегать.

– Вон, видишь над стеллажами что-то вроде зеркала? – он указывает на большой лист обычного оконного стекла, с тыла обтянутый плёнкой, похожей на фольгу.

Как оказалось, это его приспособление для того, чтобы незаметно наблюдать за отделом алкоголя. Когда у рядов бутылок со спиртным появляются потенциальные «прихватизаторы», Лёха, как бы ничего не подозревая, оттуда уходит и, стоя за углом, через это «зеркало» наблюдает за любителями горячительного. Если те спрячут товар под одеждой, на кассе он их обыскивает и ведёт в подсобку. Остальное уже известно.

– А если вызвать полицию? – интересуюсь.

Лёха в ответ весело смеётся. По его словам, полиция вечно занята, тем более, что на всё Кадухино приходится только три мента. Да, это город. Но нормального ОВД здесь не положено. Есть только «пикет». Основные ментовские силы – километрах в тридцати, в Рюмашовке. Точно также бесполезно вызывать и ГБР – группу быстрого реагирования. Ну и ну! Интересный момент... А на кой чёрт тогда существуют «тревожные кнопки» (ерундовина, наподобие пульта включения автомобильной сигнализации)? Лёха разъясняет:

– Если тут драка, нападение, ограбление – ты рыпаться не должен. Ну, там, кидаться врукопашную и прочее. Твоя задача – нажать на кнопку и ждать подмоги.

Видел я эту кнопку в кабинете директорши, когда расписывался в журнале выхода на дежурство. Сразу же обратил внимание на то, что сама кнопка на пульте сверху закрыта железным рубликом, который крест-накрест примотан изолентой. И как же ею оперативно воспользоваться, если изоленту разматывать будешь чуть ли не полчаса? Оказывается, так делают во всех без исключения магазинах. ГБР одна на целую округу, а до иных своих участков ей ехать, минимум, полсотни вёрст. А они же не на вертолёте! Асфальт тут убогий, осенью и зимой случается гололёд.

И второе. Если случайно нажать на кнопку, за ложный вызов штрафчик могут припаять не хилый. Минимум, «штуки» на полторы. А то и больше. А кому это нужно – полтора дня ломать ноги за «здорово живёшь»? Поэтому кнопки и изолируют.

– Это всё понятно. Но почему мне её не выдали?

Лёха жмёт плечами.

– А потому, что толку с неё – шиш да маленько. За всё время работы ею я ни разу не пользовался.

– А, вот, я вижу в зале камеры наблюдения ... – указываю на объектив ближайшей к нам. – Можно же просматривать видеозаписи и выявлять тех, кто ворует?

Лёха морщится и отмахивается. Оказывается, просматри-

вать записи мне никто не разрешит. Для этого надо делать запрос в головной офис «Купи!». В головной офис?! Ну, так, это же, получается, полный дурдом! А за каким бесом их тогда, вообще, поставили? Следить за кассирами и охранником, чтобы тот, не дай бог, не присел отдохнуть?

– Вот именно! – подтверждает он

По словам Лёхи, даже опереться плечом о какой-нибудь стеллаж – вещь нежелательная. Я обязан ходить, и только – ходить. А если директор магазина застанет меня в тот момент, когда я где-то на секунду прислонился, чтобы дать передышку ногам, он имеет все основания немедленно позвонить в контору. Максимум, через час сюда примчится Васин, и я вылетаю на улицу без надежды на оплату хотя бы обратной дороги. «ЛЮМу» очень невыгодно, если из-за какого-то недотёпистого или излишне занозистого охранника торговая сеть расторгнет с ними контракт. Вот это я попал! Этого нельзя, того не смей, так недопустимо, эдак – наказуемо...

Лёха убегает, я снова хожу по рядам. Ноги – хоть отрубай. Просто, невыносимо хочется присесть хотя бы на пару секунд... Высматриваю место, где нет зоны обзора камер. Опираюсь грудью и локтями о стеллаж, даю поочерёдно отдохнуть ногам. О-о-о-о! Какой же это кайф – хоть чуточку расслабиться. Внимание! Анька идёт по рядам. Всё, «перекуру» конец. Надо срочно изобразить из себя «крутого секьюрити». Она подходит ко мне и дотошно расспрашивает о

результатах дежурства. Докладываю, что «в Багдаде всё спокойно». Она разочарована – Лёха к этому моменту, как минимум, кого-то уже поймал бы, а кого-то ещё и отмутузил бы в подсобке.

Обед. Анька, которую я разыскал у касс, объяснила, что обедать у них положено строго по одному. Еду, которую я собираюсь употребить прямо здесь, следует покупать в её присутствии. Потом мы с ней пойдём в «офис» (кабинет директора), и там она наклеит на продукты специальные марки. Если я что-то купил в другом магазине, то надо предъявить чек. Продукты, которые собираюсь взять в общагу, можно купить только вечером, перед закрытием. Потом их надо будет вместе с чеком показать на выходе... Ну, морока! Пока все условности выполнишь, и аппетит пропадёт.

Иду к Рустаму. Он занят – снимает с продажи просрочку. Занят будет ещё около часа. А есть-то уже хочется – ё-моё! Выручает Феруза. С согласия Аньки она берётся постоять минут двадцать у алкогольного отдела, пока я буду обедать. Влетаю в столовую, а она занята – обедает кассирша Шура, судя по натуре и манерам – анархистка, пофигистка и хулиганка. Увидев меня, машет рукой – заваливай! Развожу руками:

– Говорят, больше, чем одному тут находиться нельзя ...

– А пошли бы они «лесом»! – морщится Шура, принимаясь за чай. – Если всю эту дебилистику выполнять, можно от голода «крякнуть».

Всё понятно. Приступаю к обеду. У меня в запасе уже не более восемнадцати минут. Всего за пятнадцать я успеваю употребить всё, что принёс из дому, и даже выпить чаю. Бегом в зал, а у алкогольного отдела пусто – Феруза исчезла. Лихо! Пробегаю вдоль стеллажей со спиртным – всё, как будто на месте. Бегу к кассам, выясняю, брали ли алкоголь последние минут двадцать? Да, куплены две бутылки коньяка. Появляется Феруза.

– Алэксей, извини, Анна Ныколаевна послала меня убираться на складе.

Вот это подстава! Ну, Анька... Ладно, продолжим свою «славную» топтунскую работу. День идёт своим чередом. Хожу по рядам, пытаюсь заглянуть в сумки (шесть, а то и семь из десяти покупателей оставлять их в камере хранения не желают демонстративно), пытаюсь поймать крадунов. Но это пустая затея. Наблюдая за некоторым парочками, прихожу к выводу, что красть тут можно особо и не напрягаясь. Например, в тот момент, как один будет отвлекать моё внимание, другой имеет неплохие шансы спрятать за пазухой и вынести любой товар. Ближе к вечеру потихоньку начинаю звереть. Ноги уже совсем как не мои, поднывает спина, настроение хуже худшего – задержаний ни одного, администраторша смотрит косо.

Когда на часах появляются долгожданные десять вечера, испытываю неопишуемое ликование – свершилось!!! Всё-таки, выдержал я этот нескончаемый, бешеный день. Опеча-

тываю двери подсобок и складов, просматриваю сумки касирш. Потом показываю Аньке свою, и мы с ней самыми последними выходим на улицу. Она уезжает домой на такси, я топаю пешком в самый дальний конец улицы Овражной. В принципе, такси могу вызвать тоже. Помощница Васина пообещала, что к моей денщине в одну «штуку» будут приплачивать ещё и столтник на такси. Всего за вахту выйдет дополнительные две тысячи. Вроде, сумма и не очень большая, но, всё равно, лучше уж пешком побегать, чем эти деньги терять!

И вот, минут через пятнадцать подхожу к общаге. Жму на кнопки домофона. Гудки идут, Лёха не откликается. Звоню на его номер – телефон не берёт. Ключи он мне в обед, паразит, так и не отдал, объяснив это тем, что «прямо сейчас» идёт в общагу, и будет там уже неотлучно. А на деле-то – что? Или дрыхнет, как конь бельгийский, или к какой-то из своих ухажёрок поскакал. И, что же мне теперь делать? К счастью, в начале двенадцатого появляется Рубен. До двенадцати на кухне занимаюсь ужином, в двенадцать падаю на койку как подкошенный. Засыпаю мгновенно, словно проваливаюсь в бездну.

Четырнадцатое ноября

Проснулся ровно в шесть без будильника. Что снилось – не помню. Побежал умываться, а из комнаты, в которой окопался Лёха, доносится громкий храп. Кстати, устроившись от всех отдельно, он, можно сказать, явил гуманизм: судя по

издаваемым им децибелам, в одной комнате с ним мог бы спать только глухой.

Вчера, уже перед вечером, я забежал в соседний с нами «шоп» канцтоваров, купил там десять штук школьных тетрадок. Решил записывать все хохмы и прибабахи своего нынешнего житья-бытья – однажды хоть будет что вспомнить. Всего две недели назад у меня была, хоть и отстойненькая, но постоянная работа. Теперь я, по сути, в «свободном полёте» (ну, не принимать же за что-то постоянное это зыбкое, реально не оформленное трудоустройство «топтуном»?!). Край, как интересно: чем же она закончится, вся эта моя эпопея? Удастся ли найти хоть что-нибудь стоящее, в смысле работы, или придётся-таки идти в ступковские дворники? Ну а пока что я – охранник. Хотя, и это, надо думать, пока под вопросом – удастся ли удержаться?

...Рубен уже «на взлёте». Попросил у него ключи – он же всё равно приходит почти на час позже меня! Рубен в сомнении – а вдруг, получится какая-нибудь накладка, и он сам тогда не сможет войти? Обещаю ему под «честное пионерское», что если накладка и случится, то он может мне позволить. Ну а я, невзирая абсолютно ни на какие обстоятельства, с работы сорвусь немедленно, и ключи ему принесу. «Честному пионерскому» он верит, и ключи отдаёт.

На работу я пришёл, как бы, не раньше всех. Вчера, хоть на улице было и не морозно – чуть ниже нуля, в помещении магазина ощущалась сильная прохлада. Малость даже про-

дрог. Поэтому сегодня для утепления вместо майки решил надеть настоящую флотскую тельняшку – подарок друга. Правда, она просвечивает через рубашку. Но, может быть, это и к лучшему? Чую, оглядываться в мою сторону стали почаще: кто-то – с любопытством, кто-то – с ухмылочкой. Да и ухмыляйтесь на здоровье! Главное – мне стало теплее.

Следом за мной появляются кассирши. Спозаранок начинают менять ценники. Не все подряд, но треть заменяется, как минимум. Ёшкин кот! Так вчера же только меняли! Бабоньки от души ржут над моей беспросветной наивностью. Италия поясняет:

– Так, это у нас, считай, каждый день. Нас самих уже достала эта морока. А куда денешься? Тут и работать-то должно бы не пятеро, а восемь человек. Ну а начальство на нас экономит, поэтому мы тут – и кассиры, и грузчики, и ещё невесть кто. Вот и ценники переделываем в своё личное время...

В зале появляется Анька-большая – сегодня она на смене. Фейс – в потолок, шаг почти строевой, прёт, как танк. Увидев меня, с досадой на лице она допытывается, сколько за вчерашний день у меня было задержаний. Узнав, что ни одного (ни одного?!), Анька изображает запредельное недовольство и приказывает сегодня же кого-нибудь непременно изловить. А иначе...

Поясняю, что с учётом моих узковатых возможностей (того – нельзя, этого – не смей, и – т.д.), мне впору наподобие

киношного Жеглова подкидывать покупателям в сумки товар, чтобы было кого задерживать. Почему бы не просмотреть вчерашние видеозаписи, когда по магазину шарились подозрительные граждане? Время их пребывания я записал. Что сложного: отмотать запись на этот момент и проверить, крали они чего-нибудь, или нет? Анька на это лишь пренебрежительно хмыкает.

– А что ты им предъявишь? – цедит она. – Эта запись не может стать основанием для возбуждения дела о хищении.

Да на кой чёрт мне какие-то дела? Мне хотя бы понять, кто из вчерашних покупателей крал, физии их увидеть на мониторе и запомнить. Тех, на кого указал Лёха, я вчера «пас» так, что если бы кто-то из них что-то реально спёр, поймал бы на сто процентов. Но поголовье-то крадунов время от времени обновляется. Кто-то от нас переходит на другие объекты, кто-то, наоборот, приходит к нам. Что тут непонятного? Ничего не ответив, Анька идёт к кассирам и громко объявляет:

– В отделе молочных продуктов не хватает трёх кусков сыра общей стоимостью тысяча двести рублей. Вычту из вашей зарплаты.

Кассирши хмуро умолкают, мрачновато поглядывают в мою сторону. Когда замдиректора, нараздавав своих распоряжений, идёт дальше, подхожу к ним и интересуюсь:

– А почему именно с вас она собирается взыскивать за пропажу? Если уж за сохранность товара отвечаю я, то, на-

верное, логичным было бы позвонить Васину, чтобы с меня там взыскали. И с чего она взяла, что сыр пропал? Она, что, ревизию проводила?

Шура категорично машет рукой и сердито поясняет:

– Да, ничего она не взыщет! Решать этот вопрос будет директорша. А то, что Анька тут треплет – просто, повыкобениваться ей захотелось.

– А директорша может не взыскать?

– Скорее всего. Она же не заинтересована, чтобы снова началась текучка кадров? Старых разогнать – дело нехитрое. Вот, только, кого потом взамен наберёшь?

Резонно... Вспомнив когда-то увиденный по ТВ сюжет про торговые сети, выдаю очередной наивняк:

– А у вас разве нет системы электронной сигнализации, контролирующей вынос неоплаченного товара?

Кассирши от души смеются, удивляясь моей неосведомлённости.

– Да такая система в самой Москве есть не в каждом магазине! – качая головой, говорит Альбина. – А у нас – и подавно её не будет. У нас кассы-то – полный отстой, то и дело мастера вызываем. То одна откажет, то другая. Нам сюда и сбрасывают только то, что меняют в столичных «Купи!». Как новье у них поставят, так нам оттуда сразу же и везут списанный хлам.

Ровно восемь. Запускаю покупателей. Сегодня народу намного меньше – видимо, самые крутые «шопингисты» напо-

купались ещё вчера. Через «зеркало» смотрю на отдел алкоголя. Какая-то интеллигентного вида мадам набирает в корзину бутылки ликёра. Подхожу и уведомляю её:

– Уважаемая! До десяти часов спиртное не отпускается.

– Правда?! – огорчается она. – А, давайте, сделаем так...

Вы сделаете вид, что этого не заметили, а я на кассе потихоньку всё оплачу. А?

Держите меня семеро! Вот уж, действительно, святая простота!

– «Потихоньку» – не получится! Даже если кассирша и сделает вид, что ничего не заметила, то сама касса товар до десяти часов не пробьёт. А если кассирша вас пропустит, пусть даже и взяв деньги за товар, её накажут так, что потом полгода она будет работать бесплатно.

Дама огорчается, вздыхает, ставит бутылки на место. Ближе к десяти появляется похмельного вида мужичок. Он собирается взять пиво. Разговор тот же самый: нельзя! «А если потихоньку?» Всё равно нельзя! «А если я прямо сейчас копыта откину?» Откидывай на здоровье – всё равно помочь ничем не можем. Тут, позади меня какой-то шум в колбасном отделе.

Выглядываю туда – там две бабки митингуют по поводу бессовестного роста цен на их любимый сервелат. В этот момент со стороны алкаша что-то подозрительно дзынькнуло. Оглядываюсь и вижу «картину маслом»: «синяк» самовольно откупорил поллитровку пива и вливает его в себя прямо

из горлышка, аж захлебывается. Одновременно, левой рукой этот клоун протягивает мне три мятые десятки. Ну, наглец! Ты что ж творишь-то, паразит?! У меня одни эмоции, и вообще никакого понятия: и что же с ним теперь делать?.. В принципе, пиво он не украл, а, просто, выпил. Деньги отдаёт. Как тут быть?

С грудой коробок на тележке появляется Рустам. Узнав, в чём суть дела, он утирает пот и машет рукой – не беда!

– Деньги у него можно взять, и в десять вместе с бутылкой отнести на кассу, – поясняет грузчик.

– Пошли! – забрав деньги, указываю выпивохе на выход.

Тот послушно семенит рядом со мной, на его физиономии блаженство, он вполголоса бубнит:

– Слышь, братуха! Ты, я вижу, мужик правильный... Я уж думал, отпинаешь меня за пиво. Не, ну у меня и в самом деле «горели трубы» – хоть сдохни, терпежу никакого. Видать, палёнки вчера хватанул. Слушай, меня Гешкой зовут, я тут всех знаю. Если чего – скажи. Разрулю, улажу любые тёрки...

Ну, ты гляди, какой у меня крутой брателло нарисовался! Анька, узнав про Гешку и пиво, чего-то там думает, после чего объявляет:

– Глядеть за «синяками» надо лучше! А если бы он надумал выпить не пиво за тридцатку, а коньяк рублей за триста?! Кто бы это оплачивал?

Ну, да, в принципе, мог бы он выдуть и коньяк. Почему бы нет? Красиво-то жить не запретишь! Тогда уж, если есть

опасения по такому поводу, следует всем покупателям прямо на входе надевать специальные намордники или вставлять в рот кляп с кодовым замком. Мне уже рассказывали про местных «голодявок», которые приходят в магазин, чтобы чего-нибудь там умять на халяву. Они незаметно берут конфеты, сладкие сырки, шоколадки и прочее, и где-нибудь в тихом углу всё это лопают. Ну, допустим, поймал я такого обжору. И что с ним делать? Денег у него – ни копейки. Отобрать съеденный товар? А как? Может быть, прикажешь влить этому нахалюге порцию касторки?.. Анька кипятится: – Хватит разводить демагогию! Иди, смотри за залом!

Иду, иду... Как с ней муж живёт, с этой занудной брюзгой? Так-то, говорить ей про Гешку я не собирался, но девчата ещё вчера предупредили, что в «Купи!» особых секретов не бывает. Лучше самому, сразу рассказать – всё равно ведь доложат.

Сегодня меня, можно сказать, «повысили в звании». В дополнение ко всем прежним обязанностям, закрепили за шкафчиком с красной икрой и закрытой витриной «элитки» – дорогого алкоголя, типа виски, джина, коньяка и прочего. Теперь я не только «топтун», но ещё и «смотрящий» за элитными товарами. «Радости-и-и» ! В общем, одним дополнительным маразмом стало больше. Но и это не всё! Сразу же после обеда прибавился ещё один.

Как оказалось, я обязан сопровождать курильщиц к входу в грузовой терминал, где отведено место для курения –

да, именно так! А курят тут, можно сказать, все, кроме Альбины, Италии и Ферузы. Шура – та вообще ежечасно бегают подымить. Я уж не знаю, почему обе Аньки (да и Лёха тоже) про такую «почётную» обязанность мне ничего не сказали? Зато, сегодня – как прорвалось!..

Часу во втором, как и обычно, Шура вышла подымить у ворот терминала. И вот в этот самый момент к ней вышла Анька. Понятное дело, тоже с сигаретой. Увиденное её – жуть, как удивило и возмутило: как это кассирша может курить в одиночестве, без конвоя?! А вдруг, она тайком вынесла какой-то ценный товар, чтобы отдать поджидавшему её на улице сообщнику?! Ужахи и мраки! И менеджерша тут же прибежала в зал, ко мне, разбираться.

Я в этот момент у «алкашки» «пас» одну бомжеватую особу с синяком под левым глазом. Что-то доверия она мне не внушала, и я, наблюдая за ней через Лёхино «зеркало», ждал момента, когда она начнёт прятать спиртное. Тут, вижу – скачет ко мне Анька, и начинает выказывать свои претензии: дескать, а почему это ты здесь, а не с Шурой? А ну-ка, живо – марш в курилку!

Меня тут же разобрало не на шутку: интересно рассудила! О чём галдёж, какие претензии, актуальная ты наша?! Мне об этом кто-нибудь говорил? Это – во-первых. А во-вторых: а кто будет караулить товар в тот момент, когда я побегу сопровождать курильщиц? Ты, что ли? Что за дурдом? Может, мне их ещё и в туалет сопровождать? Пусть курить бросают!

Я, вот, не курю и, как будто, без этого не помер. Тут бывают моменты – воды попить не отлучишься. Вчера после обеда часа два ждал, пока на складе Рустам освободится, и сможет меня подменить. А тут – иди, выстаивай с любительницами перекуров. Если всех буду за ручку в курилку водить, то полки быстро опустеют. Кто за это ответит? Ты? Если ты – то, согласен! Тогда я пошёл в курилку, а ты стой тут, смотри.

Аньке – вижу, крыть нечем. Насупилась, что-то буркнула и ушла злая, как кобра, которой на хвост наступили, а куснуть не дали. Ну, думаю, теперь уж – точно, чего-нибудь мне подстроит, административно заумная наша!

Ближе к вечеру ног опять не чую. Что делать?! Изучил расположение всех видеокамер, и нашёл-таки хороший угол, который они не захватывают, и где можно малость расслабиться – на холодильной витрине с мороженым у кондитерского отдела. Сесть на неё, понятное дело, нельзя – как бы пластмассу не проломить. А вот прислониться «пятой точкой», чуточку расслабить ноги – это вполне получится. Пристроился там – сразу стало легче жить, сразу улучшилось настроение. К тому же, от витрины хорошо и алкогольный отдел видать, и колбасы с сырами...

Так и пошло: минуты две-три расслабился, потом кругов пять-шесть нарезал по залу. Ближе к шести, когда народу в очередной раз убавилось (кассирши рассказали, что наплыв начинается вскоре после прибытия электрички из Москвы), в зал зашёл какой-то мужик, чем-то очень знакомый. Я как

раз шёл от «алкашки» к кассам. Пригляделся – ё-моё! Да это же Васин, собственной персоной! Сразу же подумалось: «Неужто, и в самом деле Анька ему уже успела на меня настучать?! Ну, зараза! И что же он теперь? Оштрафует или совсем выгонит?»

Остановился, жду его. Он меня увидел, тут же заулыбался, как будто собрался вручить мне Нобелевскую премию в номинации «Супербдительность». Соображаю: отбой, можно не напрягаться – это просто дежурная проверка. Оказалось, и в самом деле, Васин, просто, приехал взглянуть, как я тут вработываюсь, как выгляжу – вдруг, нарушен дресс-код? Ну, моим внешним видом он остался доволен (наутюжен, трезвый – чего ещё желать?!), сфотографировал сотовым для отчёта, начал расспрашивать о задержаниях. Попенял, что у меня их нет, спросил о взаимоотношениях со здешним коллективом.

Ну, с коллективом-то у меня отношения, просто, отличные. Кассиры дают наводки на потенциальных воришек, предупреждают о каких-то возможных проколах, грузчик помогает контролировать отделы, и тоже подсказывает, кто из клиентов «слаб на руку». Васин «угукает», и согласно кивает. Со здешним начальством, «вешаю лапшу», отношения, можно сказать, чудесные. Особенно, с Анной Викторовной. Изумительная, чуткая женщина, очень тактичная и внимательная к людям... Он меня слушает, а его глаза всё круглее и круглее делаются, как будто к нему подошёл папуас и объ-

явил, что они – кровные братья.

– Что, вообще никаких проблем? – спрашивает Васин, и недоверчиво щурится.

– Почему же? Есть. Вот только недавно мы с Анной Викторовной обсуждали вопрос о моей обязанности сопровождать курильщиков в курилку, и о том, кто в это время вместо меня будет находиться в зале.

– Пошли они, эти курильщики! – Васин даже руками замахал. – Главное для тебя – сохранность товаров и задержания тех, кто их крадёт. И не вздумай помогать в разгрузке, в раскладке – это тебя не касается. За это штраф до трёх тысяч. Понял?

Это-то я понял. А вот как быть с материальной ответственностью за тележки? Их сохранность на меня тоже повесили! Анька сказала, что за похищенные с меня будут взыскивать. И что мне делать? Когда некоторые покупатели на них вывозят покупки за пределы магазина, получается так, что надо оставлять зал без присмотра, и идти следом за ними?

Тут Васин крепко задумался. Почесал затылок и объявил, что если покупатель выкатил тележку с согласия кассиров, то пусть они за неё и отвечают. Ну а если попросили меня за ним проследить, то тогда сами пусть контролируют зал. Ну, а что? Это вариант куда лучше! Ушёл он к Аньке, не было минут десять. Вышел, сказал, что особых претензий ко мне нет (надо же!), кроме одной – ноль задержаний. Уходя, напоследок

док дал «ЦУ»: следить, чтобы, по возможности, покупатели в зал не лезли со своими собаками. А то не так давно санитарные службы давали разгон, когда обнаружили, что в одном из магазинов хозяева возят собак в продуктовых тележках, а кто-то из покупателей на это пожаловался. Впрочем, костыми ложиться на пути собачников мне не обязательно. Если директор магазина такие вольности допускает – то, это его проблемы. Пусть тогда сам и отвечает.

Он уехал, иду к кассирам.

– Девчонки, если честно: Лёха и в самом деле каждый день по два-три человека задерживал?

Те переглядываются, и признаются, что этого они и сами толком не знают. Вроде бы – да, ловил. Но не так часто, как говорит. Вот, колотил он задержанных – это точно! Насчёт этого у него – без заминки. Правда, на него уже подано заявление, и полиция уже брала с него показания. Как бы не пришили статью.

– ...Участковый ему сказал: ещё один такой случай – получишь за хулиганство реальный срок, – с авторитетным видом заключила Шура. – И вообще, Петрович, что напрягаться? У нас тут некоторые за всю вахту вообще ни одного не задерживали. Ни од-но-го! Ну и что? Значит, не позволяли красть. Тут главное – быть на работе в своём прикиде, и не расслаживаться. А остальное – по барабану. Бумажку по отработке подпишут в любом случае, а «ЛОМ» в любом случае вахту оплатит. А в следующий раз можно пойти в другой

магазин. Охранники уже не раз говорили, что объект у нас – не райская долина. Тут редко кто задерживается на второй срок. Один Лёха чего-то завис...

И снова настало десять вечера, и снова этот радостный миг, когда дверь терминала закрыта, и можно идти в общагу. Какое же это удовольствие, когда имеешь свои ключи и можешь зайти к себе без проблем и заморочек! Лёхи нет. Видимо, опять у какой-то из своих дам, или у приятелей. Рубен пришёл к двенадцати, когда я уже спал. Бросил ему в окно ключи в пакете – калека-домофон работает через раз. А то и вообще отключается.

Шестнадцатое ноября

Сегодня воскресенье. Рустам сказал, что местные алкаши чаще всего покушаются на «алкашку» именно по воскресеньям. И – точно! Ближе к десяти в зале замельтешили граждане пропойного вида с красными глазами кроликов-альбиносов. Ну а я уж – тут, как тут. От спиртного – ни на шаг. «Алконавты» поняли, что им у нас ничего не светит, и один за другим рассосались куда-то ещё. Скорее всего, красть пошли в «Купи!» у вокзала (где дежурит Рубен). Там два этажа, а охранник один. Не набегаясь. Ну, Рубен и говорил, что там у него – сущий ад.

Первыми покупателями «алкашки» сегодня стала солидная пара средних лет. Они сначала о чём-то шушукались меж собой, потом позвали меня – что именно я бы им посоветовал? А что им посоветуешь? Вопрос! Из меня какой знаток

вин, коньяков, ликёров?.. Поэтому несу этим двоим всякую околесицу из того, что слышал раньше, и чего успел нахвататься уже здесь. Что интересно, покупатели слушают мою ахинею, как некие небесные истины. Довольные и счастливые, взяли они литр «Дивного сада» и – айда к кассе с просветлёнными лицами. Гляжу им вслед, и чувствую, как меня гложет совесть: ну, и чего я им наплёл? А вдруг, этот «Дивный сад» – хуже помоев?!

А с другой стороны... Ну, сказал бы я им честно и откровенно, что по всему этому пойлу я – полный профан. Итог был бы один: разочаровал бы людей донельзя. Недавно одна мадам в фасонистой шляпе минут пятнадцать допытывалась у меня о свойствах и качествах сыров. А что я ей мог сказать? Что сыр – он и в Африке – сыр?! Шла мимо Италия. Позвал её. Но она тоже развела руками: типа того, моё дело – на кассе чеки выбивать, а не изучать вкусовые свойства сыров. Ну и всё! Покупательница фыркнула (ну, вы тут и тупари!), и пошла к выходу, чеканя шаг. Сразу же пришло понимание, что лучше, даже не зная ничего реального, рассказывать небылицы, и как можно больше. Покупатель всё равно возьмёт то, что сам хотел, но зато останется доволен общением.

Ну а ближе к полудню к нам попёр контингент в консультациях не нуждающийся. Сначала в зал завалили двое мужичков неопределённого возраста и места жительства. Один – в лёгком, чёрном пальтишко нараспашку, с кепочкой набе-

крень, и сто лет не чищенных ботинках. Другой

– с замусоренной чёрной бородищей, в облезлой синтетической «кожанке», чёрной шапочке лыжного фасона, заляпанных мазутом штанах и китайских летних кроссовках. Одно слово – «красава».

Бородач идёт к «алкашке» важно и степенно, как на похоронах. А вот его приятель – это «что-то». Он постоянно на ходу выламывается, выкаблучивается, выёживается, корчит из себя что-то невероятное. Увидел этот «понтовый», что я загораживаю им дорогу, тут же начал на ходу размахивать руками и отбивать чечётку. Плясал он, плясал, а я ни с места. Он тут же сдулся, и уже без выпендюры спрашивает:

– А можно, мы сделаем покупку?

– А вам есть на что?

Бочком прошёл он к полкам с алкоголем, бородатый следом. Остановились перед пивом, и завели долгий разговор о достоинствах чешского и баварского пива. С другого конца отдела Рустам знаками показывает, что эти двое здесь уже не раз попадались на кражах. И началось состязание, кто кого победит, кто кого переждёт. В конце концов, победил похмельный синдром. Терпение алкашей лопнуло, взяли они по поллитровке самого дешёвого пива, и пошли на кассу. Я следом за ними. Горемыки расплатились (целую пригоршню копеек вывалили), и – айда на выход. Идут, а сами через плечо на меня косятся, как на врага всего прогрессивного человечества.

После обеда ещё двое «знатоков» заявили. Один с волосищами до плеч (голову не мыл, скорее всего, последние полторы пятилетки), в затёртой джинсухе и ковбойских башмаках со скошенным каблуком. Другой, прямо, родной брат Винни-Пуха: щеки на плечах лежат, талия шире плеч – похоже, в жизни не поднимал ничего тяжелее стакана. Эти визитёры тоже из «академиков», правда, по части ликёров. И причмокивают, и горлышки бутылок обнюхивают... Мимо меня проходит кассирша Зинка. Незаметно мигает: за этими приглядывай особо. Да я так и понял, что ребятки никак не из тимуровцев.

Подошёл, спросил их:

– Вам что-нибудь посоветовать?

Они изобразили такой вид, как будто я им предложил отведать неразведённого уксуса, и объявили, что ассортимент у нас убогий, купить вообще нечего, а потому они уходят в другой магазин. Соображаю – зря я так! Надо было, как это делает Лёха, позволить им чего-нибудь припрятать и попробовать вынести, чтобы задержать на выходе. Вот и состоялось бы долгожданное задержание. Но, чего нет – того нет. В конце вечера Анька-меньшая на эту тему устроила «разбор полётов». Вроде того: ты здесь уже четвёртый день, а никого ещё так и не поймал... Спрашиваю:

– Что, есть какие-то признаки того, что эти дни был вынос товара?

Она, как и большая, начинает кипятиться (уж, такие тем-

пераментные «пейзанки»!):

– Нет задержаний, значит, есть хищения – это уже твёрдый, не единожды подтверждённый факт.

Не сдаюсь:

– Не уверен в твёрдости этого факта! Тогда получается так, что если я ежедневно не бегаю к врачам и не хлебаю литрами микстуру, то гарантированно – или тяжело болен, или даже уже умер. А я – просто: не болею!

Она, бедная, как видно несколько даже ошалела от такого нахальства. Не находя слов, ртом захлопала, глаза закатила, пальцем в потолок тычет:

– Вот, Лёша Магомедов работает! У него поучился бы... У него каждый день несколько задержаний.

Киваю:

– Пытался. Ну, в смысле, поучиться. Расспрашивал его, как именно он выявляет тех, кто пришёл красть. Но он толком ничего так и не сказал. Видимо, не хочет делиться секретами. Что я тут могу поделаться?

И опять задаю ей всё тот же вопрос: почему у нас не используются возможности видеонаблюдения? Почему нельзя просматривать записи хотя бы тех моментов, когда есть подозрение, что была кража? Тогда мы могли бы говорить предметно: да, в таком-то часу, такой-то человек украл то-то и то-то. А вот охранник – то есть, я – в этот момент где-то рассиживался и бездельничал. Почему, имея такую технику, мы работаем на уровне каменного века, а «высший пилотаж»

охранника – бить морду алкашам в подсобке?

Тут она и вовсе зависла. Потом снова затарахтела:

– Видеозаписи... Да на кой это нужно? Что ты там увидишь? Смотри за залом, давай, иди... А то только умничать и умеешь. Не будет задержаний – уйдёшь досрочно.

И быстренько так, шустренько умелась. Ну а я достал телефон, набрал номер Васина. Он, видимо, в этот момент куда-то ехал. Моему звонку и малость удивился и, я так понял, не очень обрадовался.

– Что там у тебя?

Объяснил ему, что у наших менеджерш началось осеннее обострение по части отсутствия задержаний. Поедом есть готовы. Но при этом, никак не решат вопрос с просмотром записей камер наблюдения. Что за ерунда? Вместо того, чтобы мне помочь, эти « милые и замечательные леди», наоборот, ставят палки в колёса, и одновременно требуют от меня больших задержаний. Достали – дальше некуда! Если есть другой объект, с достаточно вменяемыми людьми, буду не против перевестись туда.

Он меня выслушал, повздыхал, пояснил, что «в каждой избушке – свои погремушки». То бишь, неадекватных людей хватает везде, и ещё неизвестно, чья дурь – дурнее. А камеры... Да, в «Купи!» их записи почему-то в положении засекреченных. Кто и почему так сделал – он и сам не знает. Но пообещал с Аньками поговорить.

Подошла Шура – она с отдаления наблюдала за нашей пе-

репалкой с Анькой. Смеётся:

– ...Классно ты её поддел! Всё правильно... Это ещё надо доказать, что здесь и в самом деле крадут. Мы за эти дни ни разу не замечали, что были выносы, так что, пусть не «свистит».

Шура рассказала, что в магазин пошла работать лет пять назад, поскольку по своей основной специальности (она юрист, специалист по хозяйственному праву) ничего найти не смогла. За время работы её отношения с менеджершами и директрисой сложились не самые дружеские. Скорее, наоборот. Здешнюю директрису я ещё не видел ни разу – она в отпуску, скоро должна появиться. Но, по словам Шуры, особа занозистая, и с большим самомнением. На подчинённых смотрит как на второй сорт, если кем недовольна, может нахамить, и довольно-таки безобразно.

Года четыре назад, когда Шура ждала ребёнка, на работе ей как-то раз стало плохо. Она пошла к директрисе, чтобы взять недельный отпуск. Но та упёрлась: подменить некем, твои болезни меня не касаются. Иди, вон, и работай – нечего тут корчить из себя «умирающего лебедя»! Шура попыталась воззвать к её сочувствию:

– Но я же беременна, я могу потерять ребёнка!

И в ответ услышала такую дичь, что вообще ни в какие ворота:

– Да, что б он сдох, твой ребёнок!..

Впрочем, на больничный Шура, всё же, ушла, как дирек-

триса ни противилась. После выздоровления она снова вернулась на работу. В отместку за строптивость её попытались «выдавить» по статье, но не удалось – не на ту нарвались. Кроме того, у Шуры, по её словам, и на директрису, и на обеих её заместительниц, имеется убойный компромат. Если она его вдруг «сошьёт» в центральный офис, то все трое, в лучшем случае, будут, просто, уволены. А в худшем... Но моя собеседница их крови не жаждет, а дорабатывает до конца этого года. Сразу после праздников собирается уходить на другое место.

Девятнадцатое ноября

Сегодня неделя, как я охранник в «Купи!». И сегодня, наконец-то, у меня первое реальное задержание. Опять двое (здесь, похоже, мода ходить «на дело» парами). Этих двоих делят за прошедшие дни я не замечал ещё ни разу. Оба за метр восемьдесят (типичные кадухинцы) лбы не хилые, оба «под газом». Правда, один из них чуточку потрезвее. Он и одет малость поприличнее – почти не потёртая куртка из кожаменителя, относительно чистые туфли, подстрижен, побрит. Его приятель больше похож на бомжа: куртка грязноватая, штаны мятые, физия заросшая... Что интересно, на лицо эта парочка – прямо-таки, копия комиков из английского сериала «Дживс и Вустер».

Зашли они в алкогольный отдел, чего-то там пошушукались, взяли три бутылки водки, и пошли к кассе. Что-то эти двое сразу же вызвали у меня сомнения. Чую – парни что-то

задумали. Как только на кассе подошла их очередь расплачиваться, я сразу же – туда, и вижу: перед Альбиной они поставили всего две бутылки. А где же третья? Сразу появилась мысль: а не задержать ли их на выходе, когда факт кражи доказать – раз плюнуть? Но тут же понял – может и не прокатить. Парни – не из дистрофиков, да ещё и крепко подпитые, к тому же, явно, оба «без тормозов». Сразу обоих схватить не получится. Значит, пока я буду возиться с одним, другой улизнёт без проблем. И если краденое окажется у того, что смылся, за необоснованное задержание перед оставшимся придётся извиняться. Вывод: их надо брать прямо сейчас. Правда, в этом случае премия за задержание «обламывается». Хотя... Какая там премия?!

Лёха мне как-то рассказывал, что, когда он заступал на работу, ему много чего говорили насчёт премий. Вроде того: лови побольше – за каждое реальное задержание (с вызовом полиции, оставлением протокола и т.д.) минимум, светит пятисотка. Он и «упёрся рогом» – фильтровал на выходе всех подряд. Набралось за месяц десять реальных, серьёзных задержаний. То бишь, приходилось ему доплаты к зарплате сразу пять тысяч. А поехал получать зарплату – фи-гуш-ки! Нет никакой доплаты. Отмазались в «ЛЮМе» тем, что он, якобы, чего-то там не так сделал – то ли не тех задерживал, то ли не так оформлял. Ну, он и махнул на это рукой. «Застенчивых» (кто крал по мелочёвке) заставлял на кассе оплатить товар и проваливать. Тех, кто наглел и тащил по-

крупному, «воспитывал» в подсобке. И вот, подхожу к этим двоим хитромудрым поближе, интересуюсь:

– Э, орлы, а где ещё одна бутылка? Вы брали три, а на кассе только две. Где ещё одна?

«Орлы» сразу поскущнели, скисли, задёргались. Тот, что потрезвее, с круглой, сытой мордуленцией (похож на Дживса) запустил руку в карман своего приятеля (копия Вустера), и достал из него недостающую третью бутылку. Протягивает её мне и, изображая улыбочку, жмёт плечами:

– Это он пошутил, проверял бдительность охраны.

– Скверная шутка! Оплачивать товар будете?

«Дживс» отмахивается:

– Да у меня денег всего на пару бутылок, а он напирает, типа того, давай купим три. Думает, что у меня в кармане печатный станок.

Забрал я бутылку, сделал вид, что ухожу к «алкашке», и тут же, неожиданно, по методе киношного сыщика Коломбо, вернулся назад. А на кассе – всего одна бутылка! Ну и ворьё! Как говорится, на ходу подмётки режут. Ухитрились бутылку умыкнуть прямо из-под носа кассирши, и где-то опять спрятали.

Уже начинаю звереть:

– Что, наглеем? Может, вызвать ГБР?

Показал им «тревожную кнопку» (сегодня наконец-то удалось её выбить). «Дживс» моментально начал зеленеть, руками разводит, на «Вустера» замахивается:

– Ты чё, охламон, опять, что ль, пузырь зажал? Давай сю-да!

И из того же кармана своего приятеля он снова извлекает бутылку. Смотрю на Альбину: ты-то как лопухнулась? Как могло получиться, что они прямо при тебе умыкнули товар? Кассирша тут же приуныла, что-то бурчит выпивохам. Тут до меня дошло: похоже, они её хорошие знакомые, а может даже и родственники. Видимо, поэтому она и смотрела за ними сквозь пальцы. Думала, что они её «по-свойски» не подведут. Подвели...

Забрал я и эту стеклотару, проследил за тем, чтобы они оплатили хотя бы последнюю. Ну, на этот раз обошлось без фокусов – «Дживс» деньги достал, отдал Альбине. А «Вустера», как видно, «жаба душит» – и с водкой я их обломил, и перед людьми опозорился – в очереди над ними смеются... Кадухино же – городишко небольшой, всего тысяч пять населения. Тут друг друга знают очень многие. Так что, себя «орлы» уже наказали – бабские языки кости им так перемоют, что жизнь мёдом не покажется.

«Вустер» в мою сторону недовольно таращится и бурчит с ехидной подначкой:

– Ты, я вижу, очень сме-е-лый! Свою работу выполняешь стара-а-тельно...

В тон ему отвечаю:

– Работа у каждого, своя. У тебя – красть, у меня – караулить и ловить. Со своей я, как видишь, справился. А вот ты

– нет. А раз не умеешь красть, то лучше вообще не берись за это дело.

Насупился он, но больше ничего уже не сказал. Вымелись они из магазина, я понёс бутылки на место. Иду по рядам, и прикидываю. Так-то, по идее, я сейчас же должен бы известить о случившемся Аньку. Но тогда придётся рассказать ей и про то, как на кассе «прокололась» Альбина. А ей за это перепадёт не хило. Поэтому решил шум не поднимать, вечером втихую сделать запись в журнал задержаний, и – дело с концом.

Но у нас-то секретов нет, и быть не может! Тут стучат и докладывают стабильно. И десяти минут не прошло – бежит ко мне Анька. Глаза большие сделала, носом сопит, как бык на корриде...

– У нас, что, сейчас было задержание? – спрашивает меня с таким недовольством, как если бы я не задержал воришек, а сам, своими руками, помог им пронести товар мимо кассы.

Ну, в двух словах рассказал ей, как и что было. У Аньки чуть пар не пошёл из ушей.

– Их надо было задержать на выходе и немедленно вызвать меня!

Задержать? Этих двоих подпитых «кренделей»? Да ещё в зоне, не входящей в сектор обзора видеокамер? Вопрос очень спорный. Ну, завязалась бы драка. И если бы в итоге досталось мне, я «по умолчанию» был бы признан её виновником со всеми вытекающими. А если бы пострадал кто-то

из них, было бы ещё хуже – мне отвечать пришлось бы по статье УК за нанесение телесных повреждений.

Анька чуть не скрежещет зубами:

– Вот был бы Лёша, он бы их задержал!

Ой, ой, ой! Ты с него ещё икону закажи.

– Да, Лёша мужик здоровый, но на этих двоих его, явно, не хватило бы. У него, кстати, уже был случай, когда он погнался за бугаём, больше, чем он сам. А тот на улице развернулся, и в обратную! Пришлось Лёше давать ускоренный задний ход. Об этом он мне сам лично рассказывал. Он же меня и инструктировал, что мы не обязаны применять физическую силу. Более того, мы даже не имеем на это права! Или это не так?

Анька побагровела – никак не ожидала такого подвоха. Но, как видно, всё равно решила не сдаваться:

– Ну а почему же не воспользовался «тревожной кнопкой»? Для чего тебе её дали?

Голубушка, ты что, вообще, сегодня курила? Предлагаю:

– А, давай ГБР вызовем прямо сейчас?! Я нажимаю на кнопку, и мы засекаем время, через сколько они приедут. Попробуем? Через час или два? Уж, проще было бы звякнуть местным ментам. Может, их пригласим? Эти, бог даст, хотя бы к вечеру заглянут.

У Аньки начинается паркинсон – её аж трясёт.

– И, что же ты тогда предлагаешь? Вообще, что ль, никого не задерживать? Что, пусть весь магазин выносят? Нет, не

сработаемся мы с тобой! Не сработаемся! – и пошла к Альбине.

Та, гляжу, сразу же впала в депрессию. Похоже, подумала, что я Аньке уже настучал про её промашку. А менеджерша к ней эдакой лисой-Алисой подруливает, и давай задумшевно, так, выпрашивать: как именно я предъявлял претензии тем двум остолопам. Вроде того, не разводил ли с ними всякие-разные «муси-пуси»? Что, понятное дело, могло бы подтвердить мою явную никчёмность и профнепригодность. Альбина, как видно, тут же сообразила, что я её не выдал. Она немедленно воодушевилась, и расписала мои действия как очень решительные и грамотные. У Аньки – это по глазам было видно – настроение упало ниже плинтуса, и она, что-то бурча, ушла к себе.

Где-то уже после обеда, гляжу – на входе знакомая морда мелькнула. Присмотрелся – опаньки! – да это же «Вустер» собственной персоной! И, как будто даже, малость протрезвевший. Иду ему навстречу. На ходу соображаю: видимо, чувакам одной бутылки водки не хватило, и этот фрукт решил попробовать спереть ещё пузырь в одиночку. Но я ошибся. «Вустер» пришёл не за водкой, а персонально ко мне. Поговорить. Сказал, что «по пьяни свалил дурака», что никогда не крал, и не крадёт, а то, что было здесь – «так вышло», но больше этого не будет. Даже извинился.

Немного поговорили «за жизнь». Его зовут Никита, годовков ему уже больше тридцати, постоянной работы нет. В ос-

новном, калымит, если что подвернётся. Женат, но детей не нарожали. Уверяет, что никогда бы раньше и не подумал, что дойдёт до жизни такой. Когда-то даже спортом занимался, плаванием. А теперь – только «литерболом» ...

Едва он ушёл, ко мне опять мчится Анька. И сразу – «в штыковую»:

– Он чего приходил? А? Это же из тех двоих, что хотели украсть водку? Из них? Я ж тебе говорила, что они теперь постоянно тут будут отираться, чтобы что-нибудь спереть!

Вот завелась, вот завелась!

– Нет, – говорю, – сейчас он приходил не красть, а извинился за то происшествие. Дал слово, что такого больше не повторится.

У Аньки взгляд пингвина, которому предложили жениться на дикобразе. Смотрит, и не может понять – я всерьёз, или прикалываюсь.

– Он, что, прямо так и сказал? – она даже голову набок наклонила от избытка недоверчивости.

Да, прямо так и сказал. Расписки, подписанной кровью, я с него не требовал. Потопталась Анька, потопталась, да и пошла. Ну а я бегом в кондитерский отдел – туда завалила компания школьников. Вижу, девочка лет четырнадцати при моём появлении что-то излишне быстро сунула в карман. С ней ещё четверо подружек, поменьше её. Прохожу мимо и, как бы, про меж делом, интересуюсь:

– И что же у нас там в карманчике?

У неё чуть ли не искры из глаз! Выхватывает из кармана баночку с витаминами и со слезой в голосе возмущённо выдаёт:

– Вот, витамины! Я своих подружек угостила. Этого же у вас здесь не продают?

– Не продают... Всё понятно, вопросов больше нет!

Хочу идти дальше, но юная кадухинчанка уже «оседлала тему»:

– А вы, что, меня проверять не будете?

В голосе удивление и даже досада.

– Нет, не буду.

– А почему? Вы – проверяйте, проверяйте!

– Да, не буду я тебя проверять! Не вижу такой необходимости. Если обидел – извини.

Спешу к кассе. Здесь на стойках полно всяких кондитерских штучных ерундовин,, наподобие конфет, леденцов, жвачек и тому подобного. В очереди два пацанчика лет десяти. У одного карман оттопырен, но он подаёт кассиру только пачку жвачек. Вполголоса говорю ему:

– Ты, наверное, очень хотел оплатить «Киндер-сюрприз», но нечаянно забыл. Да?

Он неохотно кивает и изображает огорчение по поводу своей «забывчивости». На кассе тут же появляется припряданная сладость. Его друг пытается сгладить неловкий момент:

– Да он у нас вообще такой забывчивый! И в школе по-

стоянно всё забывает.

«Верю»! Конечно, «верю»... Не он один такой. «Забычивых» хватает.

Впрочем, школяры частенько ко мне подходят сами, например, чтобы спросить, на какую именно покупку хватит их карманных капиталов. Вот, на днях, гляжу, забегают девочка-третьекласска. Видимо, у неё большая перемена. Прямо, копия настыры в очках из какой-то там серии «Ералаша». Даже голос похож. Идёт мимо меня, и громко, чуть ли не на весь зал здоровается скороговоркой:

– Здравствуйтедяденька-охранник!

– Здравствуй, девочка! Ты что-то хотела купить?

– Да! Хочукупитьсок. Сосчитайтепожалуйстамоиденьги!

Золотце, да ты сама уже должна бы уметь считать свою наличность. Но настыра – она и есть настыра: «Сосчитайте!» Сосчитал, прикинул, что ей хватит на семь маленьких упаковок яблочного сока. Она тут же на весь магазин:

– Нинка-а-а! Давай сюда-а-а! Семь соков возьмём! Ща упьюсь!!!

Пришла она и сегодня по заданию мамы. Протягивает список.

– Дяденька-охранник! А вы мне поможете найти, что тут мама написала?

И, что же написала твоя мама? Батон, лимон, масло сливочное, пачка сахара-песка и... Брикет дрожжей. Нормальный «джентльменский» набор подмосковной леди! Не хва-

тает только заказа на самогонный аппарат. Идём, ищем...

В дверях появляется горластая компания старшеклассников. Перемещаюсь к ним поближе – среди них уже замеченный мною «прихватизатор». Кстати, о старшеклассниках. Здесь, как я заметил с самого первого дня, народ, в основном, высокорослый. Парни десятого-одиннадцатого класса – «фитили» баскетбольного роста. Взрослые (есть немало и высоченных женщин), соответственно, тоже – под два метра, и даже больше. Интересно, отчего бы так? Может быть, вода здесь какая-нибудь особенная? Хотя, вода в Кадухино, как раз, препротивная – очень даже отдаёт болотом.

Когда школяры массово покидают магазин, в зале ненадолго устанавливается кое-какое спокойствие. Но меньше чем через полчаса с очередной электрички в магазин вваливает толпища покупателей, и я снова бегу к грузовому терминалу звать дополнительных кассиров. А уже в десятом часу вечера в зале снова появляется Никита. На сей раз он «в стельку», и совсем «не вяжет лыка». Хочет взять пиво, но я останавливаю – уже поздно, время вышло. Он натужно пучит глаза, пытаюсь меня разглядеть. Наконец, спрашивает:

– А т-ты кто такой?

Отвечаю вопросом на вопрос:

– Плавать умеешь?

– Р-разрядник!

– Вот и гребь домой! Тут тебе сегодня делать нечего – по «алкашке» уже начался «комендантский час». Всё! Деньга-

ми можешь не размахивать – они уже ничего не решат.

Он снова в меня всматривается и, наконец, что-то уразумев, согласно кивает:

– А-а-а!.. Ага, ага! Ты этот, как его? Моряк, морячок... Мужики про тебя говорили. Ага! Ладно, пойду...

Ну, надо же! Оказывается, мою предполагаемую принадлежность к флоту (тельняшку-то я так и ношу) местная алконавтская общественность уже заметила и сделала кое-какие выводы. Теперь, получается, мне надо уже всерьёз корчить из себя бывшего морехода, хотя, понятное дело, это и не слишком комильфо. Хотя, пусть думают, будто я, и в самом деле, с флота. И с них от этого ничего не убудет, и мне не прибудет. Зато шансы на мирные отношения с местным «блат-бомондом» куда существеннее.

Ближе к десяти набираю продуктов, бегу на кассу. Анька специальным ключом переключает кассовый аппарат на некий особый режим. За мной в очередь со своими пакетами выстраиваются все остальные. Потом... Потом – всё, как и обычно: закрываю двери, опечатываю, проверяю сумки, показываю свою. Домой!

Двадцатое ноября

Встал в пять утра, поскольку сегодня надо на работу попасть пораньше. Вчера, когда закрывал двери внутренних помещений, случайно унёс с собой ключи. Как бы не нарваться на скандалчик... Наспех умылся, наспех позавтракал и – бегом на работу. Анька-меньшая уже на месте. Войдя

в кабинет и, мимоходом поздоровавшись, незаметно бросаю ключи в картонную тубу из-под чипсов. Анька – нулём. Как что-то там писала, так и пишет. Ну и замечательно, что обошлось без претензий и разборок.

. Открываемся. И уже на первых минутах мне приходится решать кинологические проблемы. Какая-то местная любительница животных притащила с собой свою барбосину. Ну, как притащила? Та сама за ней

притащилась и, понятное дело, вслед за хозяйкой прошмыгнула прямо в зал. Пришлось её выгонять. Разыскал эту особу, и потребовал, чтобы забирала она свою собаку и отправлялась с ней домой. Но она начала разводить руками: «Это не моя! Это соседская!». Раз пять пришлось заниматься выдворением четвероногого аспида. Тут одна женщина, проходя мимо, по секрету шёпотом сообщила, что собака-то, на самом деле, той мадам и принадлежит. Они соседи по подъезду, Снова иду к «кинологше». Уведомляю, что мне уже доподлинно точно известно: эта собака – её, а не каких-то там соседей. Поэтому прямо сейчас вызову участкового, и он выпишет ей штраф за ненадлежащее содержание этой, уже доставшей меня животины. Она тут же становится в позу:

– А кто это тебе сказал?

– Только что передали по Би-Би-Си и «Голосу Америки»! Ну, так, как? Немедленно забираете с собой собаку, и – домой? Или я прямо сейчас вызываю участкового?

Ну, она тут же перекрыла фонтан своего красноречия, поскакала к кассе, и быстренько вымелась из магазина. Собака – следом за ней. Стою у двери, и думаю: а не специально ли эта скандалистка притащила в магазин свою живность? Что, если в то время, когда я гонял лопоухую злыдню, её хозяйка без проблем пихала под пальто сыры и колбасы?..

Снова «нарезаю круги» по залу, слежу за обстановкой. Всё, как будто, устаканилось. Но, как говорится, недолго музыка играла. Минут через десять приходит другая «кинологша», которая держит на руках кудлатого бобика с полпуда весом. Сажает его в тележку для покупок и собирается в колбасный отдел. Загораживаю ей дорогу: куда? Она возмущается на повышенных тонах:

– А что, нельзя? До этого всегда было можно!

Иду к Аньке: как быть-то с этой «митинганткой»? Та сразу же начала мяться. Вроде бы и – нельзя, а вроде бы и – можно. Так, можно или нельзя?? Ну, повздыхала Анька, повздыхала, но, как видно, решила-таки показаться на люди. Похоже, и её напряг тот момент, что собаку посадили в продуктовую тележку. Вышли с ней вместе.

«Митингантка» уже в зале, собака сидит в тележке среди кучи продуктов. Спрашиваю:

– Ваша собака привита? У вас справка с собой есть? А вдруг, она больная? Да, не дай бог, бешенством! Кто потом за это будет отвечать?

Анька сразу округлила глаза и объявила, что продуктовые

тележки – не собачье такси. Та надулась, и молчком покати-ла к кассе. После этого случая Анька повесила объявление насчёт собак – заходить с ними не дальше вестибюля. Прав-да, не все на него обращали внимание. Одна из собачниц, ко-торой я сделал замечание меня упрекнула:

– ...Просто, я вижу, вы по своей натуре не любите собак, и вообще, животных!

Пришлось внести ясность, что животных-то я люблю, а вот некоторых их хозяев, которые «не дружат с головой» – совсем наоборот.

– ...Ну, давайте, давайте будем тащить в магазин всю свою домашнюю живность, – начинаю загибать пальцы. – Кроме собачек, ещё и попугайчиков, удавчиков, крокодилчиков, овечек, коровок, лошадок... То-то здесь начнётся веселуха!

После обеда появился Никита. Трезвый и даже побритый. Сетовал по поводу здоровья. Говорит, уже перенёс два ин-фаркта. Врачи сказали, что третьего ему уже не пережить. Ну, так, пить-то тогда зачем? «Вот об этом и думаю...» – вздыхает он. Купил продуктов, к спиртному даже не подо-шёл. Ну, уже это – достижение!

Иду по залу, ноги, как и всегда к этому времени начи-нают гудеть. Покупателей, как назло, не убавляется. Прихо-дится шнырять по всем рядам наподобие сыщика Моркоу из приключений Чиполлино. Не хватает только собачки Дер-жи-Хватай. Хотя... После обеда, как нарочно, ещё человек шесть припёрлось со своими «держ-и-хватаями». Да, что ж

за день такой?!!

Часу в третьем, после пробежки по залу, направляюсь в «алкашку». Гляжу (вернее, обоняю носом) – туда зарулила за выпивкой какая-то большая поклонница парфюмерии. Напарфюмерилась так, как будто вылила на себя сразу несколько флаконов духов: были б сейчас мухи – попадали бы в обморок. Стала она у меня допытываться, что бы ей лучше взять на день рождения подруги. Ну, я пояснил, что если компания с претензией на «крутизну» – лучше всего взять коньяк или вискаря. Обрадовалась, купила литр коньяка из «элитки» и – айда на выход.

Стою на углу витрин, чтобы оттуда наблюдать и за «алкашкой», и за колбасами с сырами. В это время за спиртным идёт ещё одна местная жительница. Прямо, копия Аманды Пит, только в местном варианте: рост (как и положено в Кадухино!) под метр восемьдесят, талия – в два обхвата. Мимоходом покопалась она в сырах, и двинулась в отдел алкоголя. Но, проходя мимо меня, вдруг приостановилась, нюхнула, и с эдакой подначкой поинтересовалась: не я ли так жутко наодеколонился? Вношу ясность:

– С какого бодуна? У меня на парфюмерию стабильная аллергия – и на «Шанель», и даже на «Тройной».

Она прищурилась, как дедушка Ленин, которому на глаза попала мировая буржуазия, и с игриво-многозначительными интонациями поинтересовалась:

– А если проверить? А?

Вопрос, конечно, очень актуальный! Уточняю:

– Интересно, это как же? Обнюхивать, что ли, будете?

И она на полном серьёзе:

– Да! Вот, прямо сейчас и проверим, чем одеколонятся охранники в «Купи!»!

И – кто бы в это поверил?! – эта фифа натурально, начинает меня обнюхивать: рубашку, волосы, причём, с таким азартом, с таким аппетитом, как голодный туземец с Борнео приняхивался бы к выброшенному на остров мореплавателю после кораблекрушения... Только что не облизывается и не причмокивает. Стою в полном обалдении (у тебя, «хрупкая девочка» все дома?), и не знаю, как на эту её дурь отреагировать. Вроде, и грубить этой чудачке нет особого повода, но-о... Народ уже начинает как на цирк таращиться в нашу сторону Ситуация, вообще, кремешно нелепая – глупее и нарочно не придумаешь.. Тут появляется Шура (видимо, в очередной раз спешила покурить) и, как это у неё водится, рубит напрямую, как Чапай своей шашкой:

– Э! Алё! А чего это ты надумала обнюхивать нашего охранника?! А? Ишь ты, премудрая! У нас самих тут есть кому его обнюхать!

Похоже, они хорошие знакомые – та ржёт в ответ, и с подтекстом интересуется:

– А что это ты так разволновалась? Сама, небось, глаз положила?

Вижу – разговор получается какой-то скользкий, да и не

в ту сторону заворачивающий. Уведомляю:

– Девчонки, девчонки – отпад! У меня и дома есть, кому обнюхать, если вдруг в том будет такая надобность. Есть кому обеспечить и всё остальное! Есть, есть! Так что – финиш, тему закрываем!

«Дегустаторша» огорчилась, и с упрёком выговаривает:

– Вот он как: взял, и – отшил! Облом. Ну, что, подруга, тогда, пойдём, покурим...

Кстати, о куреве. Как же тут много курят! И, особенно, женщины. Дымят не переставая. Сигареты на кассах расходятся быстрее, чем горячие пирожки. Раньше думалось, что такая ситуация только в самой Москве. Но, оказывается, и Подмоскovie насчёт курильщиков очень даже не бедно.

Не обошлась сегодняшняя смена без визита алкашей (ну, как же без них-то?!). Сначала пришёл кособокий, иссиня-чёрный с похмелюги, пожилой мужичишка бомжеватого вида. Его я засёк, едва он появился на входе. Видать, вчера упился какой-нибудь отравы, наподобие денатурата, а сегодня вышел на поиски чем бы «подлечиться». Крадучись, мышкой прошмыгнул мимо кассы, и немножко потоптался у сыров с колбасами. Ну а потом потащился в алкогольный отдел. А я уже там! Он это заметил, помялся-помялся и – шашть к выходу. Ну, ушёл, и ушёл... Однако не прошло и пары минут, он снова замаячил у входа. Видать, горит у него не слабо. Нашёл меня взглядом, скривился («Опять ты, зараза!»), и – на улицу.

Минут через десять притащился другой «синяк», помоложе. Судя по физиии, сын того алкаша. Тоже пьянюга, и без очков видно – конченный. Идёт прямо ко мне. Подошёл и объявляет:

– Я здесь свой кошелёк потерял!

Кошелёк?! Во, даёт! Да был ли он у тебя, бесценный ты наш, вообще, хоть когда-нибудь?

– Значит, говоришь, потерял? – уточняю. – А в каком году это было? И где это – «здесь»: на территории Кадухино, в торговом зале «Купи!», или именно на этом месте у алкогольного отдела? Кстати, денег-то сколько там было?

Вижу, бедолага от неожиданности даже опешил. Головой-то, скорее всего, не пользовался он уже давно, думать отвык, а тут – сразу столько вопросов. Около минуты что-то обмозговывал, после чего начал доказывать, что потерять кошелёк он мог только в «Купи!», примерно, полчаса назад. И именно здесь, у полок с пивом. А денег в нём было... Дойдя до этого места он сразу же замолк. По лицу вижу, что ему очень хочется сказать: «Десять тысяч», но и страшновато. Поэтому малость он помялся и объявил:

– Триста пьсят...

– Долларов, евро?

– Рубле-е-е-й... – замотал он головой.

– Хорошо! – говорю ему с самым серьёзным видом, – Значит, так! Сейчас дам тебе бумагу и авторучку, ты напишешь, какими купюрами были деньги, какой формы и цвета коше-

лѐк.

Он это услышал, и даже в лице переменился. Отмахивается:

– Нет, нет, я ничего писать не буду! А зачем это?

– Как зачем? – жму плечами. – Твои деньги надо найти? Надо. Поэтому вы с грузчиком сейчас вдвоём начнёте обыскивать покупателей, а я вызову полицию.

При упоминании о полиции у бедного выпивохи настроение испортилось окончательно. Он начал бормотать, что, возможно, кошелѐк и вправду сегодня утром потерял, но не у нас. В этот момент снова появился первый. Он с дикой похмельюги, пребывает в похмельном пароксизме, его корчит и колбасит. Он бьѐт себя в грудь кулаком и начинает гундѐж про всё тот же потерянный кошелѐк:

– ...Я его послал за пивом, а он где-то тут кошелѐк выронил! – старый «синяк» тычет пальцем в молодого.

Тут же объявляю:

– Сегодня в магазине было найдено два кошелька: красный и чѐрный. В одном – тысяча рублей, в другом – пять. Ваш – какого цвета?

Старый алкаш дѐрнулся, его глаза загорелись. Хрипит:

– А в каком было больше? – и тянет руки, вроде того: давай, давай его сюда.

Да-а-а... Тупой, ещё тупее. Ну, всё. Пора кончать эту комедию.

– Короче, – говорю им, – мужики! Шутки – в сторону.

Ничего вы тут не теряли, а потому – идите-ка куда подальше, и рассказывайте свои сказки про потерянный кошелёк где-нибудь в другом месте. А тут лохов зря ищите. Вперёд!

Старший, было, заерепенился, начал кипятиться, объявил, что хочет увидеть директора магазина, что будет жаловаться в прокуратуру... Но молодой, как видно, уже понял, что ничего им тут не светит.. Взял он своего папашу за руку, и потащил к выходу. Тот, как видно, совсем ошалев от похмельного токсикоза, попёр на него с кулаками. Пришлось вмешаться мне. Взял алкаша-папашу за шкирку, и отвёл на крыльцо. Потусовались они там, почадили замусоленными цыбариками, и куда-то поплелись.

Ближе к вечеру, как всегда неожиданно, появился Васин. Снова меня сфотографировал, поинтересовался, как идут дела, и затребовал подробности вчерашнего задержания. Ну, рассказал ему в деталях, как дело было. Он одобрил – всё нормально, всё правильно. Вроде того, так держать, задерживай почаще. Да, рад бы! Вот если бы удалось решить вопрос с просмотром видеозаписей – тогда уж, точно – задержаний стало бы гораздо больше. Он почесал затылок и опять, как и в прошлый раз, пообещал поговорить с Анькой. Минут через десять идёт назад, жмёт плечами:

– Ну, она пообещала, что обсудит этот вопрос с Трапезиной, с директором магазина.

Всё понятно. Даже Васин ничего не смог решить. Слава богу, день к концу! Как тут уже всё осточертело... Одно удо-

вольствие – дорога в общагу, когда идёшь, и знаешь, что ещё один день остался позади, и до «дембеля» осталось уже не три, а две недели. Сегодня у нас в общаге кое-какие перемены в личном составе. Рубен закончил вахту и уезжает домой почти до самого нового года. Вместо него в привокзальный «Купи!» прислали Джафара, тоже уроженца Закавказья.

Двадцать третье ноября

Уже половина вахты позади! День сегодня выдался напряжённый, суматошный. Всё началось с того, что с утра в «алкашке» окопались два «знатока». Один – квадратный брюнет с волосами до плеч, другой – длинный «хвощ», с бородёнкой на кончике подбородка. Пришли они часов в девять, и почти до обеда застряли у стеллажей с пивом. Сколько уже раз такое было! Их и не прогонишь, и не отойдёшь от них. Отойдёшь – тут же что-то может бесследно исчезнуть.

Слышу – со стороны входа донёсся какой-то непонятный шум: кто-то ругается, кого-то ловят... Подбежал туда. Оказалось, что Рустам с Анькой-большой задержали какого-то шкета из неблагополучной семьи с пакетом молока. Как потом мне рассказала Альбина, Рустам его уже знал как давнишнего крадуна по мелочам, и поэтому проследил за ворихой от молочки до выхода. Когда тот попытался проскочить в вестибюль, его в дверях и сцапали. Пакет отняли, оплатить в двойном размере заставили...

Наблюдаю за тем, как трясут расхитителя капиталистиче-

ской собственности и, одновременно, краем присматриваю за «знатоками». Они в очереди к кассе, косятся в мою сторону. Значит, что-то задумали. Делаю вид, что их не замечаю. Жду, что оплатят только по одной бутылке, а я их потом – цап-царап!. Но они о чём-то пошушукались, и выставили из карманов на кассу всё, что взяли. Тьфу ты, ёшкин кот! Опять Васин будет меня пилить...

В этот момент, с голливудской улыбкой ко мне подошла Анька-большая, помахивая пол-литровым пакетом самого дешёвого молока. Ухмыляется, и объявляет:

– Вот, смотри, мы с Рустамом отработали часть твоей зарплаты. Теперь её надо отдать ему!

Да, отдай, раз отработали... Хорошо, я всё осознал, уяснил, сейчас же исправлюсь, от молока ни на шаг не отойду. А всякие там коньяки и вискари? Да, плевать на них!

Анька перестаёт улыбаться и начинает психовать:

– Успевать надо везде! И в «молочке», и в «алкашке»! Понял?

Давно уже понял. С просмотром видеозаписей вопрос так и не решили?

– За залом смотреть надо внимательнее! – Анька назидательно мотает пакетом.

Замечательная мысль! А ну-ка, поучи, как это надо делать? Вот, к кассам стоит человек восемь. Подскажи: кто из них сейчас попробует вынести товар?

Она смотрит на очередь, недовольно морщится, вздыхает,

и – ни слова. Как видно, не знает, что сказать. Вот так-то, «ясновидящая» ты наша!

День идёт своим чередом. Хожу, присматриваю... Проходит мимо кассирша Вика – сегодня заступила вторая смена. Интересуется:

– Чего там Анька-то пыхтела? Сроду всеми недовольна.

Да, Анька-то – что?! Вот с Рустамом полные непонятки: вроде бы, работаем вместе, а он почему-то не меня предупредил насчёт того воришки, а менеджершу. С чего бы это так? Вика смеётся и поясняет:

– Так, он же тут на полулегальном положении. Вот ему и приходится прислуживаться, чтобы не выгнали. Думаешь, откуда начальство всё про всех знает?

Ах, вон оно что! Ну, тогда всё понятно, откуда «ноги растут».

Перед самым обедом в даерях появляется какой-то странный тип. На лице улыбочка утопленника, глаза остекленевшие. Его кидает его с боку набок, но он ухитряется на ходу отбивать чечётку. Похоже, в здешних местах у алкашей и наркош это самая крутая фишка – одного «чечёточника» я уже видел. Иду ему навстречу, чтобы задержать на входе в зал – мало ли чего на уме у этого плясуна? Он дёргаться сразу же перестал, и вытаращился на меня, как баран на новые ворота. Состроил недоумённую рожу, и выдал с эдаким поклончиком:

– Здра-а-а-ссьте!

– Ну, здорово...

Он тут же, чуть не падая на пол, снова отбивает чечётку и пробует прошмыгнуть мимо меня. Но я загораживаю ему проход – фигушки, тебе там делать нечего. Он подёргался-подёргался, снова изобразил свой поклончик и объявил:

– И – до свида-а-нья!..

Развернулся и, приплясывая, поскакал к выходу.

Подхожу к кассе, спрашиваю у Арины:

– Что за чудила?

Она машет рукой.

– Наркоша... Как накурится конопли, так и бежит к нам сюда со своими приплясами. Так-то он не из буйных, но с головой не дружит – это точно!

Ну, думаю, на сегодня лимит и на воров, и на идиотов исчерпан – сколько ж можно? Недаром же говорят: снаряд в одну и ту же воронку дважды не попадает... Чёрта с два! Как оказалось, попадает, и ещё как попадает!

Случилось это вскоре после обеда. Рустам, как раз, занимался просрочкой. Иду вдоль рядов, и краем глаза вижу, что невдалеке от него, возле сыров начал отираться какой-то пацан блатноватого вида, типа гопника. Он в кепке, спортивке и кроссовках, весь какой-то вертлявый и суетливый. Взял кусок сыра и примерился, как бы для того, чтобы сунуть себе за пазуху. Зыркнул в мою сторону, и со всякими там ужимками и выкрутасами бросил обратно. Скривил рот, типа того, этот сыр ему не понравился, и начал выбирать другой. Ну, тут уж

яснее ясного, что пацан решил пожить сыром на халяву.

С отдаления продолжаю незаметно за ним присматривать – что он ещё, этот «перец» отморочит? А он и рад стараться – всё роется и роется в сырах, сам по сторонам озирается. Только как-то уж очень картинно это всё он делает, можно сказать, понарошку. Что за дуровщина? В чём тут подвох?

И тут... Опять со стороны касс – шум, гам, крики. Лишь тогда стало ясно, что этот чёртов гопник всего лишь отвлекал моё внимание, а крали-то другие. Вот, паразит! Бегу туда. Следом прибегает и Рустам. На месте выясняется, что воришек задержали кассирши Вика и Люська. Они заблокировали у входной двери двоих пацанов, по виду – старшекласников, которые, минуя кассу, пошли на выход, хотя у одного из них был оттопыренный карман. Это заметила Люська, когда они прошмыгнули мимо неё, Она потребовала остановиться, но те – ноль внимания. К Люське тут же подключилась Вика, и общими усилиями этих балбесов они тормознули. Смотрю, а воришки ухмыляются, как будто им и горя мало. Они, как ни в чём не бывало ломаются, кривляются, гыгычут... Невдалеке от них – человек трое акселератов, у которых тоже непонятная веселуха. Скорее всего, «группа поддержки» этих двоих. Это, явно, неспроста! Похожу к задержанным.

– Что взяли? Выкладывайте!

Они разводят руками:

– А у нас ничего нет!

Вика возмущается:

– Как это ничего нет? Вы спёрли банку энергетика. Где она?

Крадуны продолжают ржать и доказывать, что у них ничего и не было. Вижу – у них, и в самом деле, карманы не выпирают. Значит, от украденного каким-то образом они успели избавиться. А раз нет вынесенного товара – что им можно вменить в вину?

Прибежала Анька. Расфыркалась, распыхтелась, возмущаться начала, вроде того: на хрен такие охранники, которые сами ничего не могут решить?!

Ну, у меня к ней тоже возникли свои вопросы: что за дурдом?! Чего орать-то? Нашла крайнего! Сама же знает, что обыскивать задержанных, если у них, явно, нет похищенного, по положению я не имею никакого права. Давай, под твою ответственность буду обыскивать. А сам на это не пойду – в честь чего? Они хоть и под два метра, но формально ещё несовершеннолетние.

Анька что-то буркнула, коршуном подскочила к пацанам, и начала шарить у них в карманах... «Группа поддержки», а с ней и тот гопник, что отвлекал моё внимание, наблюдают за ней и ржут на весь магазин. При этом один из них исподтишка снимает происходящее камерой телефона. Ну, теперь и дураку понятно: если это и была кража, то не более чем хохмы ради. Пацаны специально организовали такой вот «перфоманс» с банкой энергетика, чтобы их задержали и учини-

ли весь этот шмон. Скорее всего, устроили это или на спор, или в счёт карточного проигрыша. Всё было разыграно, как по нотам. Пока кассирши блокировали выход, эти двое успели передать украденное своим приятелям. И – аминь. Ищисвищи...

Да-а, ситуация, однако! Ну, вот, как одному охраннику противостоять хорошо организованной бригаде крадунов? Ладно, эти чудилы – всего лишь приколисты, которым захотелось пощекотать себе нервы и повеселиться. А если вот так же, как и они, за дело возьмутся крадуны-профессионалы? Да тут им и полмагазина можно будет вынести – никто не заметит.

Короче, в карманах «приколистов», как и следовало ожидать, Анька так ничего и не нашла. Повздохала она, посопела, и объявила, что парни свободны. Но они уходить не спешат – комедничают, хихикают, комментируют свои приключения. Только минут через пять, навыпендривавшись, вместе со своими приятелями, они, наконец-то, выкатились на улицу.

Анька, понятное дело, кипит как перегретый самовар, шипит и фыркает. И снова мне долдонит про то, как в этой ситуации сработал бы Лёха. Вроде того, он не стал бы чикаться со всякой тут свистобратией, а увёл бы этих двоих в подсобку, и там влупил бы им по полной программе. Да, на здоровье! Пусть бы влупил – его проблемы. Ну а мне-то с какой радости нарываться на статью УК, колотя несовершенно-

нолетних?! Из-за банки какого-то энергетика, который стоит меньше полтинника?! Вообще-то, уважаемая, я приехал на семью денег заработать, а не срок в колонии.

– Да, при таком качестве работы, ты себе и на обратную дорогу не заработаешь! – продолжает язвить Анька.

– Качество работы – вношу уточнение, – понятие растяжимое... И мордобой на рабочем месте – не показатель качества.

Популярно объясняю ей, почему не стал обыскивать пацана: он несовершеннолетний, и поэтому мы обязаны были вызвать его родителей. Вот, она его обыскала, а он сейчас возьмёт, и накатает заявление в полицию о том, что взрослая тётя обшаривала его с какими-то нехорошими намерениями. А его друзья всё это подтвердят. И будет потом эта тётя стоять перед дядей прокурором, и доказывать, что она – не верблюд, и что её действия не имели признаков чего-то нехорошего. И запахнет её служебное рвение статьёй УК, по которой можно даже срок схлопотать. Пусть даже и условный.

У Аньки явный ступор. Судя по всему, до неё вроде бы начало доходить, что она и в самом деле переборщила со своим усердием. Спрашиваю:

– Это правда, что на Лёху уже собираются шить уголовное дело из-за мордобоев? Правда?

Анька неопределённо жмёт плечами.

– Вот так! Тогда вопрос: а ваша торговая фирма, случись, Лёху и в самом деле будут судить, чем-то ему поможет? Ну,

там, выплатит истцам денежную компенсацию, чтобы отказались от претензий, наймёт ему адвокатов?

– Н-ну, конечно, чем-то ему помогут обязательно... – то ли заверяет, то ли предполагает Анька.

Ну, да, ну да... Помогут – передачку на зону пошлют, может быть. Только, хотелось бы знать: а ради чего всё это? Ну, вся эта остервенелость, мордобои... Ради чего?! Вон, Рустам уже почти полчаса кидает в тележку всевозможную просрочку – батоны, шоколад, палки колбасы, целые штабеля пачек сливочного масла... Теперь оно пойдёт на помойку. А всего из-за одной такой пачки в одном из «шопов» раздолбай-охранник и «добрейшей души» кассирши загнали в могилу бабульку-пенсионерку, якобы она её украла, хотя на самом деле, как потом выяснилось, никакой кражи не было. Так, ради чего это всё? Ради какой «великой идеи»?

Но у Аньки логика своя, корпоративно-жлобская.

– То есть, ты хочешь сказать, что пусть отсюда всё тащат, разворовывают только потому, что мы утилизируем просроченные продукты? – как-то не по теме под конец взрывается Анька.

Три тысячи баранов! Какая же она «сообразительная»!

– Нет, я хочу сказать, что, работая охранником, не собираюсь нарушать Уголовный кодекс и должностную инструкцию. Только и всего лишь.

Да, работая охранником, я обязан задерживать тех, кто крадёт. Но я не обязан, да и не собираюсь изображать из себя

остервенелого бобика, который готов кусать направо и налево, лишь бы угодить хозяину.

– Я лично уведомя Васина, чтобы тебя сюда он больше не присылал! – нервно грозитя Анька, и торопливо удаляеся.

Да уведомяй! Хотя короля Занзибара!

Потом, до самого вечера, можно сказать, было тихо. Разве что, пришлось выставить на улицу одного чушка, который тёрся подле продуктов. Его руки были изгвазданы в чём-то непонятном, но противном. «Благоухал» он, конечно, весьма и весьма. И вот, хватает он своими грязными руками хлеб, колбасы, сыры, для чего-то их мнёт, и кидает обратно.. Подхожу к нему, и ставлю в известность:

– Ты если чего-то надумал купить – бери и проваливай, а продукты нечего мусолить.

Он начал гундеть:

– А тебе-то чего-о? Они же в упаковк-о-вке!

Да мне по барабану, что они в упаковке! После твоих «стерильных» граблей как бы не началась эпидемия дизентерии. Эти продукты себе я – уж точно! – не возьму. Подёргался он, подёргался, и потащился к выходу, кстати, так ничего и не купив.

Кстати, о магазинах самообслуживания. Конечно, по части экономии времени продавцов, и покупателей – штука они, в целом, неплохая. А вот в смысле санитарии – сущая мина замедленного действия. Из-за того, что продукты хва-

тают все, кому не лень, риск подцепить что-нибудь заразное подсакивает в разы. На морде ж не написано, здоровый ли этот покупатель, или, скажем, он хронический туберкулёзник там, или кто-то ещё? Так что, как ни верти, но в таких «шопках» мы со своим здоровьем ежедневно играем в «русскую рулетку».

...Когда подошёл к концу и этот день, аномально нервный и замороченный, и я уже предвкушал заслуженный отдых, случилось ещё одно дурковатое ЧП. Где-то часу в девятом Анька-большая отчебучила очередную клоунаду. Я как раз курсировал между «алкашкой» и колбасами. Прибыла восьмичасовая электричка из Москвы, и в «Купи!» как-то так, резко, ворвалась толпа с полсотни человек. Если, не все сто. Возле касс очереди. Там и пожилые, и средних лет, и молодёжь, и даже школьники, хотя на улице уже ночная темень.

И вот, «пасу» я у стеллажа с водкой очередную «сладкую парочку», а в этот момент слышу дикое Анькино ржание, и её крик на весь зал:

– Петро-о-вич! Куды смотришь? У тебя тут презервативы украли!..

Ржут теперь уже все. От мала, до велика. Все, разумеется, тарашатся в мою сторону. Надо как-то выходить из этого дурацкого положения. Ну, а, как из него выйти? Только поставив в такое же дурацкое положение саму Аньку. Делаю «морду кирпичом», со «стеклянными» глазами выхожу к кассам (да и чёрт бы с ней, с этой «алкашкой» – пусть крадут на

здоровье!), и с самым серьёзным видом выясняю, кто бы это мог покуситься на «святое».

А Анька радуется как ребёнок, всё никак не нахохочется. Через смех кое-как объясняет, что «резину» украсть могли двое старшеклассников, которые недавно стояли в очереди. Но потом без видимых причин оба куда-то смылись. Кассирша Нина сразу же после этого, глянув на «этажерку» рядом со своей кассой, заметила, что на штыре, с висящими на нём упаковками презервативов, не хватает сразу трёх коробочек. Ах, во-о-о-н оно что! Достаяю телефон и делаю вид, будто набираю чей-то номер. Прикрикиваю на всех, кто рядом:

– А ну-ка, тихо! Ти-и-хо-о-о! Алло, полиция? Полиция? – кричу в трубку на весь магазин. – Добрый вечер. Это охранник магазина «Купи!» на Новой. У нас крупное хищение – украдены презервативы. Да, много... Ага, спасибо!.. Ждём!

У Аньки смех тут же кончается, глаза делаются квадратные, она крутит пальцем у виска. Покупатели притихли, они, явно, заинтригованы. Менеджерша ошарашенно вопрошает:

– Ты, это, что? Серьёзно? Ты позвонил в полицию? Какого чёрта?! Я тебе это разрешала? У тебя, что, с головой проблемы?

Жму плечами – а в чём, собственно говоря, дело? Поступила информация – я на неё отреагировал. Снова «набираю номер». Анька уже начеку:

– Куда ещё звонить собрался?

Опять жму плечами – да, мало ли куда? Но, всё же, пояс-

няю:

– Васину хочу дать информацию. Не исключено, что и в других «Купи!» сегодня будут массово воровать именно «презики». Ну, чтобы наших ребят он срочно поставил в известность, а то – мало ли чего из-за этого может приключиться?

У Аньки глаза всё шире и шире. Она вообще уже не знает, что ей и думать, что говорить. Наконец, её прорывает:

– Что за чушь ты несёшь? Почему ты считаешь, что сегодня будут красть именно это?

Изобразив таинственный вид, говорю ей замогильным голосом:

– Террористы готовят взрыв!

Она смотрит на меня как на пациента клиники Кащенко.

– Чего-о-о-о? Какой ещё взрыв?

– Демографический. Случись, в магазинах острая нехватка «резины», начнутся сплошные залёты. Страшно представить, что через год будет твориться в подмосковных роддомах!

– Балда! Я пошутила!

– Я – тоже...

Анька багровеет, хлопает глазами, и теперь смеюсь уже я. Над ней. До неё наконец-то дошло, что никуда я не звонил, и что весь этот трёп – всего лишь способ отквитаться за её «остроумие». Процедив сквозь зубы что-то наподобие: «Понаприсылали тут всяких обалдуев!...», она уходит к себе.

После закрытия возвращаюсь в общагу под морозным ветром в распрекрасном настроении. Сегодня холодновато, градусов пятнадцать, не меньше. Прохладно и в нашем «бомжотеле». Спать ложусь одетым в куртку.

Двадцать шестое ноября

В полвосьмого зашёл в кабинет директорши, и с порога увидел, что она уже там. Здравуюсь, отмечаюсь в журнале, она спрашивает, как бы, про меж делом, в такой, жеманно-капризной интонации:

– Вамм сколько осталось до коннца сменны?

Отвечаю, что второго декабря – последний день. Она поморщилась, как от зубной боли, и «жеманит» дальше:

– Вашей работой я очень недовольна. Уже в открытую совершаются кражи, как это недавно было с банкой энергетика, а вы даже не реагируете на это, как положено. Сделаю всё возможное, чтобы вы от нас ушли как можно скорее.

И смотрит так выжидающе. Может быть, думала, что я тут же паду перед ней на колени, и начну просить о снисхождении? Щас! Тоже мне, баронесса фон Мозгокрутен! Делаю вид, что мне всё сущее (да и она сама тоже) «до лампочки», и молча ухожу. Слышу, сзади доносится её недовольное сопение – как видно, она ожидала чего-то совсем другого.

...Появилась директриса дня три назад. Я сразу даже не понял, кто это такая. В глаза бросилось, что какая-то мадам с деловым видом ходит по торговому залу без пальто, везде суёт свой нос, смотрит на всех свысока, на физию за версту

можно прочесть, как она всеми недовольна. Эдакая Мальвина в преклонных годах. Присмотрелся к ней, и вспомнил, что уже видел этот фейс на информационном стенде в вестибюле, где пришпилена куча благодарственных писем, дипломов и приветственных адресов «лучшему руководителю подразделения торговой сети «Купи!» Трапезиной Эмме Леонидовне».

Была она тот день всего час или полтора, после чего набрала здоровенную сумку продуктов, и ушла. Ну а сегодня, как видно, решила взять все в свои руки, и показать свою «крутизну». Иду в зал и соображаю: а ведь мне она, и в самом деле, подгадить может – к гадалке не ходи, и, к тому же, очень даже здорово. Если Трапезина поставит перед Васиным вопрос о моём досрочном катапультировании из этой шарашки, то, сомневаться не приходится – это будет сделано в момент. И, хорошо, если перекинут на другой объект. Пусть даже вахту придётся отматывать ещё двадцать дней – это ещё переживаемо. А вот если вылететь вчистую, как штрафник, без копейки в кармане, то... Вот тут уж – совсем дело дрянь.

Хожу по залу, смотрю за обстановкой, а в голове крутится одно и то же: интересно, когда она будет звонить Васину, и как скоро он на это отреагирует? То, что ей самой «накапали» обе Аньки, особенно, дылда – сомневаться не приходится. Ну а директриса, надо думать, Васину напоёт – на целую оперу хватит. И, что же мне теперь, смирененько ждать

команды «на выход»? Нет, это не годится. Уж лучше попробовать что-то отморочить самому. Но, что именно? И тут, вижу Шуру, которая пришла за покупками – у неё сегодня выходной. Сразу же вспомнилось, как она говорила про компромат на здешнюю магазинную верхушку. И тут меня осенило: а ведь это идея! Надо наехать на «Мальвину» угрозой разглашения здешних «тайн мадридского двора». Только, не самому же идти к ней, чтобы навешать ей лапши на уши?! Конечно, нет! Для этого есть Рустам. А где он сейчас?

Иду по рядам, и вижу грузчика за выборкой просрочки. Опять в тележку летят батоны, колбаса, сыры, сметана, шоколад, курятина, апельсины... Прохожу мимо него и, как бы невзначай, отмечаю:

– Что-то сегодня много просрочки!

Он согласно кивает:

– Да, Пэтровыч, сегодня много. Я вчера почти не выбирал, вот и накопилось.

– Но, всё равно, и вчера было не меньше, чем тысяч на десять. И сегодня тыщ на тридцать – самое малое. Вот так-то! Обрати внимание: на помойку выкинуть и на тридцать тысяч не жалко, а меня из-за какого-то копеечного энергетика, который, может быть, и не крал никто, директорша выгнать собирается.

Рустам сочувственно цокает языком.

– Она сама об этом сказала? – осторожно уточняет он.

– Сама лично! Ну, пусть, пусть выгоняет, – говорю это со

зловещим, мстительным видом, — я тоже в долгу не останусь. Такое устрою, что мало никому не покажется!

— А что ты ей можешь сделать? — Рустам сокрушённо вздыхает.

— Да я-то сам, лично, ничего делать и не буду. Пусть делают с ней другие — те, кому это положено. Вот, скажи... Ты сейчас отгонишь эти тележки в грузовой терминал, и там всё, что в них лежит, должно быть занесено в специальный акт на утилизацию? Так? А его кто должен подписывать? Наверное, и я тоже, как человек посторонний, не подчинённый директору? И при мне же эти продукты должны быть или отправлены поставщику, или уничтожены. Верно? Но я-то этого ни разу не видел, и ничего ни разу не подписывал. Значит, за меня акт подписал кто-то другой, а эти продукты втихара могли быть отправлены по каким-то мелким торговым точкам, и там проданы. Как думаешь?

Вижу, Рустаму отчего-то вдруг стало не по себе. Он даже в лице переменился. Начал уверять меня в том, что я неправ, что акты здесь охранники сроду не подписывали, а сама Эмма Леонидовна, можно сказать, кристальной честности начальница, и в жизни не допустит чего-то такого, что выходит за рамки положенного. С многозначительным видом на это киваю, потом указываю на виднеющуюся за стеллажами железную дверь запасного выхода.

— А вот, как ты думаешь, что скажут пожарные инспекторы, когда увидят вон ту дверь?

– А что с этой дверью? – Рустам с недоумением оглядывается.

– А ты не видишь? Она загорожена полками с товаром. И заперта так, что её и кувалдой не откроешь. А случись здесь пожар? Начнётся паника, давка, во входную дверь всем сразу не выйти, а эта – закупорена... Значит, кто-то или сгорит, или его затопчут. Так что, налицо грубейшее нарушение, за которое положен штраф офигенный. А то и увольнение по статье.

Рустам озабоченно хмурит лоб. Ну а я продолжаю, как бы в горячке разговора, впаривать ему свои соображения:

– Ты вчера вечером уходил, свои покупки показывал мне. Я уходил – показывал Аньке. А почему обе Аньки мне никогда не показывают свои сумки? А сама директриса? Она тот день такую сумяру себе наворочала, что еле несла. А я так и не увидел: оплатила она товар или нет? Это правильно?

Грузчик ошарашен до предела – такой крамолы, скорее всего, он не слыхивал ещё никогда. Он даже забыл о своей работе – замер, как манекен с батонами в руках.

– Но она же – дире-е-ктор! – с благоговением, почти шёпотом произносит он, до предела расширив глаза. – Она сама за всё это отвечает!

– Да, пусть отвечает за всё, что угодно! Хоть за восход луны. Но для меня она такой же человек, как и все остальные – она не хозяйка этому товару. И, ещё... У неё, что, есть справка о том, что она святая? Над ней тоже есть начальство,

и ему, я думаю, будет интересно узнать, как наша Эмма Леонидовна и её помощницы таскают домой сумки с неоплаченным товаром.

– Ты хочешь поехать в главный офис? – переполошенный Рустам усердно чешет затылок.

– Зачем? Сейчас – век техники. Взял телефон, и – дзынь-дзынь... А номера телефонов доверия компании висят у нас в столовой. Их я себе уже переписал.

У Рустама глаза – как в японских анимашках: ну, о-о-о-очень большие! Он, малость даже заикаясь, уточняет:

– Хм-м-м... И ты уже – всё, сегодня будешь звонить?

– Зачем? Если мне дадут доработать – да и чёрт бы с ними! Пусть хоть всё тут растащат – мне это до фонаря. К тому же, если я сейчас их сдам, то Васин меня на вахту больше уже не возьмёт. Но уж если выгонят, и я к семье поеду без копейки, то... Тогда уж – точно, проинформирую по полной. К тому же, есть много чего такого, что потянет на очень серьёзную уголовную статью. Мне наши девчонки столько всякого рассказали, что хватит на три уголовных дела... – втяхиваю ему всё это и, тут же, как бы спохватившись, добавляю. – Но только всё это пусть будет строго между нами. Хорошо?

– Конечно, конечно! – Рустам усердно мотает головой.

И всего через пару минут вижу, как он чуть ли не вприпрыжку тащит за собой тележку к дверям грузового терминала. Опаньки! Сработало! Гляжу ему вслед и представляю себе, как он сейчас входит в кабинет «Мальвины», и начина-

ет впопыхах передавать ей услышанное от меня...

Минут через десять из двери грузового терминала в зал вышла Анька. И сразу же нацелилась в мою сторону, можно даже сказать, уничтожающим взглядом. Прямо, испепелила бы, да запал, видать, не тот.

Перед обедом появился Лёха. Как всегда – голливудская улыбка, хотя, по его словам, дела (особенно, финансовые) у него не блещут. Получил он перед отпуском более тридцати тысяч, и всего за пару недель большую их часть прогужбанил с друзьями и любовницами. В конце разговора Лёха купил себе кое-каких продуктов, и попросил у меня ключи от общаги.

– А твои где? – спрашиваю.

Он разводит руками. Говорит, что свои дал Джафару ещё вчера вечером. Из-за этого Лёха теперь и сам оказался без ключей. Дал ему свою связку, он твёрдо пообещал (только что не поклялся соседским поросёнком), что вечером железно будет дома, и сразу же куда-то свалил.

После обеда народу было не слишком много, поэтому выдалась возможность даже присесть на витрину с мороженым. Часу в третьем, вижу, идут в мою сторону двое мужиков. Блатнющие-преблатнющие, крутые-прекрутые, как яйца после трёхчасовой варки. Один с виду, так, ничего – крепкий ломовичок. Лет ему около сорока. Он в куртке и тельняшке. Другой, вроде, помоложе. Он выше меня на полголовы, но какой-то вяловатый. Подошли, стали интересоваться «за

жизнь».

Ну, я сразу понял, что ребята решили меня «взять на характер», и этим учинить проверку «на вшивость». Но мне все эти «крутяцкие» манеры – что есть, что нет. Тоже намёками даю понять, что видывал «перцев» и покруче. Смотрю, заговорили мужики уже по нормальному, без манерничанья и выпендюра.

Этот, что постарше, начал интересоваться, на каком флоте я служил. Ну, решил парней не разочаровывать. Сказал, что на Северном (там у меня друг служил, так что, темой владею). Но, всё равно, лишнего «звонить» не стал в этом направлении. Оно, ведь, как говорят? Слово – серебро, а молчание-то – золото. Что сказал, то и сказал. Докладываться и лезть в детали я не обязан. Ну, молодой кивает в сторону своего приятеля, мол, Колян служил на Черноморском. Очень приятно! Всегда рад видеть тех, кто не «косил» от армии и флота.

– ...А я, – продолжает рассусоливать этот молодой, – только что «откинулся». Отбывал в Мордовии «тройк» по двести тринадцатой. Надо отметить возвращение...

Припоминаю, что двести тринадцатая – хулиганство. Всё ясно. Сначала ребята зондировали почву «крутым базаром», а теперь молодой пытается произвести впечатление своим сроком и статьёй. Ну, что ж, мы тоже насчёт впечатлений кое-что «могём».

– Дело понятное, – киваю ему. – Мой друг тоже пару ме-

сяцев назад домой вернулся. Отбывал пять лет по сто четырнадцатой. Его жену один урод обидел, он ему и устроил «сеанс воспитания» по части хороших манер.

Понятное дело, вру в наглую – вся эта история выдумана от начала до конца.

– По сто четырнадцатой – пять лет? – «черноморец» Колян недоверчиво выпячивает нижнюю губу. – Чё то больно много!

Со знающим видом многозначительно качаю головой.

– Так это – как квалифицировать!.. Ему пришили умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. У того невежи в двух местах сломан позвоночник, не считая перебитых камазовской монтировкой рук и ног. Кстати, этот мой дружба на днях сюда должен подъехать. Тоже хочет поработать в Кадухино... Ох, с ним тут и «погудим»! Ох, и порысачим по вашему аулу!

Мужиков, похоже, эта байка очень даже впечатлила. В это время у входа – шум, гам, в зал валит толпа... Ну, всё, пардон, мужики! Перекур закончен, начинается работа. Сразу бегом в «алкашку». Там уже крутятся поклонники отечественного и импортного пойла. Пришёл туда и «откинувшийся», взял пятизвёздочный коньяк, и они с «черноморцем» двинули к кассе. Гляжу, оплатили безо всяких фокусов. Ну, что ж – молодцы!

Слышу, из колбасного отдела доносится какой-то галдёж. Бегом туда. Две бабульки (по-моему, те же самые) в очеред-

ной раз митингуют по поводу дороговизны ветчины и сервелата, не хватает только транспарантов «Вся власть Советам» и «Долой мировую буржуазию». С полчаса помитинговав, «революционерки» взяли по пакету сарделек, и пошли в бытовую химию. Ну, вот! Теперь, скорее всего, надо ждать митинга по поводу дороговизны моющих средств.

Дело к вечеру, но поток кадухинцев не иссякает. Идут и идут, покупают и покупают... Ну, вот уже и десятый час. Незадолго до закрытия снова приходит Никита. Глаза – как пластмассовые пуговицы, шагает как робот, у которого садятся аккумуляторы. Всё понятно. Опять, балбес, «перегрузился». И пришёл, явно, не за кефиром. Видимо, душа настойчиво просит третьего, финального инфаркта. Но опять пришёл он зря: время уже вышло, «алкашка» на кассе не пробивается. Поэтому я его встречаю на полпути к спиртному и ставлю в известность, что делать ему тут нечего. Он меня снова не узнаёт, начинает бузить: «А ты кто такой?!!». Смотрит, очень недобро... Объясняю ему, что спиртное ему не продадут – пусть и не мечтает. Закон есть закон, и с этим не поспоришь. Никита начинает «лезть в бутылку», вроде того: что это за закон такой неправильный? Орёт:

– ...Что вы все голову мне тут морочите? Я не дурачок, и хорошо знаю, что вы мне просто не хотите продать!

Понятно... В извилинах путаница и словами его не убедить. Беру под руку и, мимо касс – на выход. Он возмущается:

– Безобразие! Я хочу поговорить с вашим начальством!

А тут как раз Анька подошла. При виде пьяного Никиты отчего-то в лице переменилась, и даже попятилась за кассу. Он дёрнулся в её сторону, но я его не выпустил – куда, бойкий ты наш?! Ускоренным шагом веду его к двери, выходим на крыльцо, спрашиваю:

– Ну, ты, как? Сам спустишься, или тебе помочь?

Он на меня почему-то испуганно глянул и отшатнулся.

– Сам, сам, сам! – мотает головой.

И, держась, за поручни быстренько зашлёпал вниз. Благо, крыльцо всего метр высотой. Думаю: чего это он так напрягся? И только тут до меня дошло, что он не совсем правильно понял то, что я ему сказал. Моё предложение помочь, он понял, как намерение дать ему доброго пинка, чтобы кубарем летел до самого низа. Логично! Тем более, что Лёха, скорее всего, так бы и сделал.

Вернулся я в зал, жду ехидных Анькиных комментариев (она ж без этого – как пономарь без псалтыря). Но Анька – ни гу-гу. Молчит, как в рот воды набрала. Что, голубушка, сдрейфила? Так-то вот! Хорошо выпендриваться, если заведомо знаешь, что не получишь хороших «пилюль». А вот бороться с такими пьянчужками, как Никита, как видно, калорий у тебя маловато.

Ну, всё, финал, пора в общагу. Иду на Овражную, и ещё издали замечаю, что в наших окнах нет ни огонька. Сразу же появились соображения, что Лёхи, как и обычно, там нет

и в помине. Набрал его номер на сотовом – не отвечает. Вот, «молодец»! И как же туда теперь войти? Ай да Лёха! Ай да клоун из погорелого шапито! Это, что же мне теперь, ждать возвращения Джафара?

Сейчас пол-одиннадцатого. Джафар заявится ближе к двум ночи. Одна надежда на то, что появится кто-нибудь из местных жильцов. Раза два, кстати, что-то наподобие уже было. Подходишь, бывает, пару минут ждёшь, глядь – идут парни и девчата со свиданки. И всё! Без проблем вместе с ними заходишь. Бывает даже, если молодые, просто, стоят на крыльце, то обязательно подойдут, и своим ключом дверь откроют. Кстати, нормальных, отзывчивых ребят здесь в достатке.

В этот раз стоять пришлось с полчаса. Смотрю, идёт мужик лет сорока, одетый прилично, и на морду, вроде бы, не скотина. Вместе с ним поднимаюсь на крыльцо, отмечаю про себя: «Слава Богу, хоть одна живая душа появилась!» А эта «живая душа» вдруг оборачивается ко мне, и с таким апломбом (где-то даже с пафосом!), интересуется:

– А в-вы куда?

– Вообще-то, к себе, в сто сорок девятую. Я живу в общежитии охранной фирмы «ЛОМ».

Он изобразил на физиономии что-то наподобие многозначительности, и в тональности булгаковского товарища Швондера объявил:

– Ничего не знаю, вас вижу впервые, и поэтому не впускаю.

«Нормально»! Вот это нарвался на дундука-актуала с общественническими закидонами! Интересуюсь: он всегда такой бдительный, или только сегодня надумал? Он, что, знает всех живущих в этом подъезде? «Живая душа» (всё с тем же апломбом):

– Да, знаю, поскольку я – старший по подъезду!

«Старший по подъезду» он выдал с такими понтами, как если бы объявил: «я – президент земного шара!» Предлагаю этому «президенту» по моему сотовому созвониться Васиным – пусть подтвердит, что я и в самом деле здесь живу. Но дундук, он и есть – дундук. С таким не договоришься.

В принципе-то, физически мне он не соперник. Оттолкнуть этого пингвина в сторону и войти в подъезд труда не составило бы, с учётом его женственных ручек и «богатырских» плеч. Но этот «общественник», скорее всего, тут же позвонил бы в полицию. И, тогда, наверняка – всё: чемодан, вокзал, Уволжск. Моя вахта тут же закончится. Так что «силовой вариант» – себе в убыток. Ничего, подожду ещё кого-нибудь.

Минут через пятнадцать, и в самом деле, появилась женщина пенсионного возраста. Почему-то сразу же подумалось: пролёт! Но она сама меня окликнула:

– А что вы тут стоите, почему не заходите?

– Нет ключей. Дал своему соседу по комнате, а его дома не оказалось.

– А... Ну, давайте я вам открою. Что ж будете мёрз-

нуть-то?

Премного благодарен. Оказывается, не перевелись ещё в этой местности нормальные, здоровые люди. В отличие от одного тут «хорошего человека». Уж, такой аномально «бдительный» ...

Она разводит руками.

– Ну, у нас тут, вообще-то, чужих пропускать не принято. Вот, если бы я вас не видела раньше, то тоже не впустила бы.

– А где вы меня видели? Здесь, в подъезде?

– Нет, в «Купи!». Вы же там охранником?

Всё понятно... Нет, бдительность – это, конечно, замечательно. Но, вот, если бы я был бандитом или террористом, то стал бы чикаться с этим старшим по подъезду?.

– Ну, это – да, это верно... – вздыхает женщина. – Знаете, он сам по себе человек очень тяжёлый. От него собственные дети разбежались. Чуть кончили школу – сразу же в Москву уехали. И на работе у него постоянные конфликты – он в страховой компании каким-то начальником. С другой стороны... Ну, наверное, и в ваших краях есть точно такие же?

Это точно! И у нас насчёт такого же «добра» – тоже не бедно. Поднялся я к себе на пятый этаж, достаю из кармана гвоздь, отпираю дверной замок (его можно и пальцем открыть), вхожу и... С порога слышу храп, доносящийся из комнаты Лёхи. Вот, чертила! Ну и мастак же он подрыхнуть!

Около часа ночи пришёл Джафар. Сокрушается, что на всех не хватает ключей. Вот заказать бы запасной ком-

плект! Только, где? Рассказал ему, что сегодня слышал, будто не вдалеке от нашего «Купи!» такая мастерская имеется. Джафар за это сразу же ухватился: узнай! Если что, закажи дубликаты, оплачу...

Двадцать восьмое ноября

И вчера утром, и сегодня, по пути на работу искал мастерскую по изготовлению ключей. Вчера оббегал улицу Вокзальную, сегодня – Мастеровую. Но нигде ничего похожего нет. Впрочем, сегодня на Мастеровой один дед, который выгуливал своего пуделя, рассказал, что такая мастерская на этой улице когда-то, и в самом деле, существовала. Но закрылась из-за того, что заказов было мало, и её хозяин прогорел. По словам деда, в Кадухино, если потерял ключ, то лучше поменять весь замок целиком.

– Что так сильно воруют?

Он смеется:

– Свои-то не очень, а вот к нам, бывает, закатаиловские наведываются – эти мастера. Обчистят в момент!

Да, про Закатаилово наслышан, наслышан. И уже не раз... Не исключено, эти закатаиловские асы воровского дела и к нам в «Купи!» закатывают. И как их поймать, если они, и впрямь, крадут так, что ни один комар носа не подточит?! Кстати, о кражах. Как ни добивался я возможности просматривать видеозаписи, вопрос так и не решился. Правда, наезжать на меня стали поменьше. Если, по совести, то, вообще прекратили. Не стали пыхтеть, даже если где-то я присло-

нился, чтобы немного дать передышку ногам. Вот только сегодня я сам довольно-таки здорово лопухнулся.

Случилось так, что дней пять назад мне позвонил Володька и передал, что начальство придумало такую «инновацию»: охранники на дежурстве должны быть без телефонов. Пришёл на работу – отключи, и сдай его администрации магазина на хранение. Смена закончилась – забирай, и тогда уже звони кому угодно. Если не сдал, и это заметил проверяющий из «ЛОМа», пусть даже ты по телефону и не говорил, всё равно – штраф одна тысяча рублей.

Для чего так подтянули гайки? Ну, чтобы охранники друг друга не извещали о внезапных проверках, когда делают облаву на тех, кто не по форме выходит на дежурство, кто не прочь «остограммиться» в рабочее время, или, на своём рабочем месте, попросту, валяет дурака. Ну, что ж... Сказано-сделано. Почти неделю я ходил без телефона. Тут сегодня часов в девять утра подходит Анька и говорит о том, что до меня никак не может дозвониться Васин.

Что за ерунда? Он, что, не знает о запрете носить с собой телефон? Ну, «молодцы»! Сами издают приказы, и сами о них же забывают? Пошёл за телефоном, включил, набрал номер Васина. Он с ходу начал допытываться о том, почему до меня никак не может дозвониться:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.